

НЕПРОСТЫЕ ИСТОРИИ 4

Печальные звезды,
счастливые зр

НОВОГОДНИЕ/
РОЖДЕСТВЕНСКИЕ/
СВЯТОЧНЫЕ РАССКАЗЫ

16+

Непростые истории

Евгения Кротова

**Непростые истории 4: Печальные
звёзды, счастливые звёзды**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Кретьова Е.

Непростые истории 4: Печальные звёзды, счастливые звёзды /
Е. Кретьова — «ЛитРес: Самиздат», 2018 — (Непростые истории)

Мы говорим за новогодним столом: «С Новым годом, с Новым счастьем!». Говорим так, будто старое счастье нас уже не устраивает, будто износилось оно, истаскалось, потемнело от прожитых дней. И всё бы ничего, да иногда только это самое «старое» счастье человеку и нужно. И тогда загораются звёзды. Счастливые или печальные — решать вам. Главное, чтобы они загорались. Серия "Непростые истории".

Содержание

Аннотация	6
От составителя	7
Алексей Ладос, Тим Яланский	8
Как Фёдор за ёлкой ходил	9
Евгения Кретьова	19
Новые приключения Сне Гурки	20
Наталья и Алексей Ладос	35
Ах, мой милый Августин	35
Алексей Ладос	45
Я подарю тебе звезду...	46
Елена Радковская	51
Разноцветный мир	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

НЕПРОСТЫЕ ИСТОРИИ: Счастливые звёзды, печальные звёзды
СБОРНИК НОВОГОДНИХ И РОЖДЕСТВЕНСКИХ РАССКАЗОВ

Аннотация

Мы говорим за новогодним столом: «С Новым годом, с Новым счастьем!». Говорим так, будто старое счастье нас уже не устраивает, будто износилось оно, истаскалось, потемнело от прожитых дней. И всё бы ничего, да иногда только это самое «старое» счастье человеку и нужно. И тогда загораются звёзды. Счастливые или печальные – решать вам. Главное, чтобы они загорались.

От составителя

В ваших руках четвёртый сборник рассказов в жанре современной прозы. На этот раз тематический, посвящённый наступающим праздникам.

Это волшебное время. Время ожиданий, надежд, время подведения итогов. С боем курантов наша жизнь делится на заветное «до» и «после». Мы зажигаем бенгальские огни, обжигаемся обрывками опалённых салфеток, загадываем себе счастье, здоровье, побольше денег, славы, загадываем перемены или, наоборот, стабильность. В новогоднюю ночь мы все становимся немного детьми, в тайне ото всех ожидая прихода Деда Мороза и исполнения самого-самого желания.

Авторы сборника – не волшебники. У нас нет билета в страну магов и драконов. Мы не доставим вас на звездолёте в другую галактику, подальше от проблем и забот. Зато мы можем подарить вам несколько часов сказки. Вам стоит лишь протянуть руку, открыть дверь и отправиться в путешествие. Снежными тропами, по следам таинственных незнакомцев, в поисках счастья и исполнения мечты.

Внимание, экспресс до Счастливых звёзд отправляется сию минуту. Не забудьте горячий чай, тарелочку с ароматными мандаринами и шоколад, а хорошее настроение припасено на этих страницах.

Алексей Ладó, Тим Яланский

Новогодний подарок от идейных вдохновителей и владельцев литературного портала «Синий сайт», бессменных и неутомимых редакторов проекта «Непростые истории», авторов многочисленных рассказов и новелл.

Как Фёдор за ёлкой ходил

– Нет проблем, – сначала сказал Фёдор, лишь потом подумал, что спрашивать у любимой девушки, какого подарка она ждет на Новый год, не просто не разумно, а в высшей степени глупо. Влип, что называется.

– Ты всё можешь, Феденька? – спросила Снежанна, выходя из капсулопузыря.

Фёдор всегда провожал возлюбленную до входной мембраны её квартиры на сто двадцатом уровне высоток, хотя и не любил этот район мегасити. Здесь селились офисные крысы, к коим Фёдор – виртоинженер – не принадлежал. Здесь, несмотря на дорогие вентиляционные системы, пахло зубным вибропорошком, грифельной смазкой и пылью. То ли дело его квартал – «200 towers», где жили, в основном, виртуальщики, а потому он казался безлюдным – жители выбирались в коридоры лишь по необходимости. По личным делам, так сказать. Он до сих пор недоумевал, как угораздило влюбиться в офисную леди.

– Мне мама рассказывала, а ей бабушка...

– ...а той прабабушка, – пробормотал Фёдор, но Снежанна не расслышала.

– В древности люди ставили в домах живую ёлку и украшали её. Представляешь? Говорят, что ёлочный природный запах не сравнить с искусственным, а еще говорят, что настоящая ёлка приносила счастье тому, кто её раздобывал. Я тоже хочу счастья! – Снежанне, видимо, казалось, что старинная профессия Фёдора даёт ему возможности почти божественные.

«Разве у нас его нет – счастья?» – Фёдор смотрел на Снежанну, любуясь совершенным овалом лица, короткими волосами, имитирующими каракуль, большими серыми глазами и маленькой, недавно появившейся над левой бровью, сверкающей тату «Ф + С = Л».

– Ну, звезду с неба не достану, но ёлку – без проблем, – по-идиотски пообещал Фёдор.

Сейчас он сидел в своей квартире и думал о том, как же выполнить обещание. Не выполнить – сам себя перестанешь уважать, а уж что говорить о девушке?

До Нового года оставалась неделя...

День первый

И чего любимой не нравится обычная ёлка?

Фёдор покачал головой и щелкнул пальцами. Вживленные сенсоры отключили стандартную ёлку-голограмму, пульверизатор втянул трубки, и – новогодний, как считал Федор – запах начал рассеиваться, уносимый в вентиляционные щели под потолком.

Ладно, поищем настоящую. Федор надеялся, что реликтовая ёлка не сделает большой бреши в его финансах.

Сёрфинг в Сети выдал развесистые гирлянды предложений, рекламные гаджеты высыпали на Фёдора три литра снега разной консистенции, полстакана блёсток и одарили гелиевым голошариком на присоске – с маркет-логотипом «Доширак-Оливье».

Торговые сети предлагали искусственные ёлки – гигантские и крохотные, ёлки-костюмы и ёлки для слепых, транс-ёлки и временное шрамирование «под ёлку», однако настоящих деревьев не продавал никто.

Тогда-то у Фёдора и появились опасения, что квест окажется сложнее, чем он предполагал.

Где же берут настоящие ели? Он притушил экран, стряхнул с шевелюры блёстки, отклеил ото лба присоску с мерцающим шариком на нитке и полез под разложенное спальное место. Там, в уютной тени пряталась пластиковая коробка с вещами, которые жаль выбрасывать даже в условиях, когда на человека полагается восемь квадратных метров жилища.

Вот она! В руках Фёдора зашуршало ломкими страницами настоящее целлюлозное чудо, возможно, созданное из тех самых ёлок, в которых нуждался сейчас владелец книги.

Задвигались, замерцали яркие картинки с зайцами, медведями, снеговиками...

Всё верно, ёлки росли в лесу, и настоящему герою полагалось самостоятельно зайти в этот самый лес и вынести оттуда дерево.

Единственный знакомый Фёдору лес находился чётко там, где, в физрайонах ниже пятидесятого уровня, но в пределах досягаемости – оранжерея, опоясывающая сталелитейный завод.

В детстве интернат-класс водили туда на экскурсию. Он хорошо запомнил непривычно светящийся купол, за ним находилось огромное голубое пространство и неприятное солнце, помнил запах – сырой и терпкий, от которого сжималось горло, звуки стрекотания непонятных насекомых. И деревья, конечно, – месиво листвы и палок, в которое соваться не хотелось.

Были там ёлки или нет, Фёдор не помнил...

Смотритель с недоумением смотрел на рыжего веснушчатого парня с сенсорами везде, где только можно – даже на ушных мочках, который всерьёз требовал показать живую ёлку. Сторож перевел взгляд на свою вотчину, где в данную секунду роботы распыляли питательный раствор: ананасы, черешня, апельсины... маслогруши, опунция и арктурианские цеплеклюи...

– У нас фруктовый сад, молодой человек, живых ёлок не существует, – смотритель почесал затылок: – Хотите саженец граната? Только сомневаюсь, что у вас хватит фиговоин его купить. Великий Альмонд Тин, ну, вы знаете, владелец издательского концерна «Синий взгляд», половину бизнеса продал, чтобы только заказать черенок...

Смотритель говорил что-то ещё, но Фёдор не слушал. Он запрыгнул в капсулопузырь и унесся по трубе № 25 в родной квартал «200 towers».

День второй

Может, он ошибся и не досмотрел рекламу? Может быть, глупая машина не поняла, что именно искал в Сети Фёдор, и потому не показала нужный запрос, а в гипермаркетах именно сейчас ждут покупателей чётковы живые ели?

А что если?!... Догадка шарахнула Фёдора, как яблоко древнего Ньютона. Кроме глобальных торговых сетей остались еще «питекантропы» – частные лавочки. Чистое хобби владельцев, увлекающихся раритетами и экзотикой.

Тамбур кубрика сиял матовой светло-серой унифицированностью, тонкие цветные полосы вдоль стен тянулись в стороны, указывая направление.

«Частный магазин с ёлками», – сказал Фёдор и коснулся зелёной полосы. Он собрался за живым деревом, и выбранный цвет показался логичным, правильным.

Вдохнули дверцы лифта, и светлый пузырь капсулы помчал пассажира по изогнутым трубопроводам, что, подобно кровеносным сосудам пронизывали исполинское «тело» Восточноевропейского мегасити.

«Миллиард мелочей» – так назывался магазинчик, зажатый между семидесятым и семьдесят вторым жилыми кварталами. Семьдесят первый пояс только для покупателей.

Магазинчик действительно был лавочкой – навскидку, около тысячи квадратных метров, не больше, украшенный старинными мигающими голограммами десятилетней давности.

Фёдор ступил на автоплатформу и въехал в приветливо распахнувшиеся двери.

– Ёлки? У нас есть всё! – торжественно завопил робот-распорядитель. То есть Фёдор уверил себя, что в бездушном голосе прозвучало торжество. – Наш девиз: «Миллиард мелочей» – не уйдешь без харчей! – заявила железка.

Робот залихватски раскрутил центральный сегмент корпуса, из манипуляторов повалил цветной дым, запахло жареной курицей и клубникой.

– Вообще-то я не собираюсь есть ёлку, – пробормотал Фёдор.

После блужданий, которые Фёдору показались бесконечными, они добрались до секции с новогодними украшениями. Посреди полок и гирлянд, опутанный монорельсом игрушечной воздушной дороги, возвышался силикоидный Дед Мороз. Он проникновенно смотрел на посетителя, из носа выметались радужные снежинки. Фёдор поспешил отвести взгляд. В глазах тут же зарябило от разноцветных – старинных! – стеклянных шариков, бус, пластиковых флажков и... пластиковых же ёлок.

– Рекомендую эту, – робот выстрелил манипулятором в кучу сверкающего барахла и вытащил приятно пискнувшую упаковку, – надувная, со встроенным амортизатором, суточным эффектом снега, огоньками, мокрым будильником и...

– Где настоящая, я спрашиваю?! – проорал Фёдор, перебивая звон колокольчиков.

– Сейчас прибудет хозяин, – испуганный робот втянул суставчатые манипуляторы в корпус и смылся.

«Ох, Снежанна, не скоро ты меня дождёшься», – печалился Фёдор, с опаской наблюдая, как упаковка с надувной ёлкой ползёт в родную кучу товаров.

Хозяин частного магазинчика оказался таким старым, что ему уже, вероятно, отказывали все реабилитационные центры: усохшим, сморщенным, как венерианский сфинксовый дятел, с дребезжащим каркающим голосом и серьгой в нижней губе. Колпак Деда Мороза, воздвигнутый на лысину в честь наступающего праздника, смотрелся бы хорошо, скорее, на Хэллоуин, чем на Новый год.

– Живые ёлки, – кляцнул неожиданно белыми зубами дед, – ох, блин, я их помню! Они такие, пипец, как трава... зелёные. И пахли, да. Мне, мелкому говнюку, тогда было года четыре...

Фёдору недосуг было слушать историю жизни «питекантропа».

– Вы не знаете, можно ли их где-то найти? – перебил он.

– Сомневаюсь, что они остались, хотя... – старик поднял седые брови, почесал макушку. Новогодняя шапка сползла, под ней оказалась татуировка скалящегося черепа, – чувак, а попробуй пошарить на лыжных курортах – в лесу, в Сибирском мегасити.

Опять этот странный лес!

День третий

Сибирский мегасити мало чем отличался от Восточноевропейского. Камень, металл, стекло, переплетающиеся трубы капсульных шоссе, чёткие линии поясов-уровней. Разве что воздух холоднее, пронзительнее – по ощущениям, не по физико-химическому составу.

Фёдор сидел в офисе – помещении, которое терпеть не мог, – туркомпании «Пегас» и нервничал: слишком долго дама-представитель искала в Сети свободное место на курорте. Он бы сделал это молниеносно, но Фёдор не заехал домой, отправился сюда прямо из магазинчика.

Дама углядела нетерпение, извинилась:

– Места раскупают за год вперёд, я смотрю, нет ли отказников. Вот, нашла! Если вы готовы лететь прямо сейчас, вас ждут на курорте «Алтайский лёд». Бронировать?

– Я готов! – Фёдор шумно выдохнул. Он и не подозревал, что курорты настолько востребованы, надо свозить туда как-нибудь Снежанну.

Фёдор соскучился, он не связывался с любимой третий день. Поклялся же, что пока не раздобудет ёлку – ни-ни!

Курорт оказался в горах, вылизанных искусственным снежным покрытием, расчерченных линиями скоростных трасс, по которым скользили лыжные капсулы. Свет от стратосферных щитов мерцал в подъёмниках. Сквозь экраны шлемов Фёдор наблюдал за счастливыми лицами людей, которые никогда не видели настоящего снега. Впрочем, Фёдор его тоже никогда не видел.

В новом малиновом костюме с магнитными лыжами на ботинках Фёдор попытался обследовать окрестность.

На первой трассе он удачно увернулся от гикающих курортников, стремительно несущихся по склону. На второй – чуть не попал под робота: формирующий трассу танк тревожно засипел и замер. От столкновения спасла ограда с флажками, в которой новоявленный лыжник запутался и покатился под откос, унося с собой добрый десяток метров ограждения.

Фёдор выбрался из искусственного сугроба, слизнул с исцарапанной губы кровь, отстегнул лыжи и, тяжело дыша, залез в подъёмник, что понёс его на самую макушку горы. Возможно, оттуда он увидит, наконец, эти таинственные леса.

И другие мысли занимали Фёдора, пока он ехал: вряд ли здесь понравится Снежанне, разве что распитие кофе на открытых верандах горных шале и... мускулистые инструкторы. Потомственный виртуальщик в восьмом поколении, накачанными мышцами Фёдор не обладал, хотя и не стеснялся своей, вполне пропорциональной, фигуры.

Как он ни озирался, взобравшись на самую верхушку, пресловутого «леса» не обнаружил. Как ни расспрашивал гордых собой курортников и чопорных инструкторов – никто не понимал, о чём он толкует.

Фёдор плюнул и зайцем посетил еще парочку подобных мест. Зря.

В Японосити, кроме планктонных ферм, он нашёл лишь беломедвежий инкубатор, а из Нью-Кюрасао еле унёс ноги, случайно ввязавшись в непонятную игру, в которой полуголые участники валили друг друга в бассейны с мороженым.

Ёлочный след потерялся.

День четвертый

Голова раскалывалась от впечатлений, болела. В глазах рябило от бесконечного мельтения разноцветных стенок скоростных туннелей. Под мышками чесалось. В коротких снах являлась душевая кабина и новёхонькая одежда.

Четвёртый день Фёдор встретил у терминала капсульной станции Индиополиса. Здесь, по словам минутного знакомого из Нью-Кюрасао, как будто бы использовали ёлки для ритуалов кустофариане.

Ему мучительно хотелось сконтачиться со Снежанной – даже пальцы подрагивали, а датчики в ушах светились. Однако Фёдор сдерживался, что-то подсказывало, что, кроме слов любви, он выпалит жадной до раритетов девушке несколько выражений без особого значения, зато эмоционально окрашенных.

Фёдор вздохнул, потёр коммуникатор на запястье, словно тот обжигал кожу, втянул носом воздух, почувствовал, что страшно хочет домой. Он и представить себе раньше не мог, что мир такой громадный, и, пока пузырь скользит над континентами, внизу проносятся мириады ситиузлов, кварталов, башен и гиперсекций – настоящих, а не из симулятора. Дом далеко-далеко, один лишь пиксель огромного города, которым стала Земля.

И сам Фёдор – маленький-маленький. И миллиарды людей, таких же, как он сам, живут себе: едят, разговаривают, смотрят друг другу в глаза, переживают неприятности, хлопоты, ищут работу и чистят зубы... Голова шла кругом. В таком океане душ очень легко затеряться и никогда не вернуться к Снежанне.

Федор нашёл на карте центр Индиополиса и покинул станцию.

Центр пах... Новым годом.

Вокруг площади на сотом поясе мегасити сверкали климат-мембраны, путешественника обдавало сухим ветром и светом. После бассейна с мороженым Нью-Кюрасао здесь было жарковато. Белые и голубые арки, фонтаны и завесы иллюминаций делали площадь нереальной. Преломляемое куполом солнце рождало радуги в водяных струях. Но Фёдор не смотрел на водяную феерию. Взгляд примагничивала тёмная, мохнатая на вид конструкция, торчащая в полукилометре впереди – зелёное коническое дерево.

Ёлка вовсе не походила на нарисованную в целлюлозной книжке – слишком высокая, а уж с нормальной пластиковой разнилась, как виндоуз с андроидом. Однако это была именно она.

Фёдор сунул руки в карманы и, небрежно посвистывая, изображая из себя зеваку, направился к вожаденному дереву. Он и сам не заметил, как шаг приобрёл хищную пружинистость, а недавно теревившие сенсоры пальцы скрючились первобытными когтями.

Ёлка пряталась за мономолекулярной сеткой, которой можно остановить поймавший глюка орбитальный шаттл. У прохода стояла девушка с голобэйджем «Снегурочка». Да, именно «Снегурочка», а не «Снежанночка», как сначала показалось Фёдору.

Её волосы были спутаны в жгут, как три оптоволокна, и свисали до пояса. Синяя шапочка, длинная рубашка в серебряных звёздах и почему-то респиратор – над ним сияли сиреневые глаза в обрамлении пушистых ресниц.

– Сюда нельзя, – сказала Снегурочка, – демонтируем, не видите?

Около ёлки крутились роботы, волокни катушки с моносетью, тросы и упаковочные коконы, позади дерева поднимал манипуляторы промышленный кран.

– Зачем? – только и смог произнести Фёдор, уставился на девушку, но ответила ему не она.

– Активные вещества, выделяемые данным организмом, являются сильным аллергеном, – раздался бесполой голос. Блестящий пингвинообразный агрегат в колпаке Деда Мороза уставился единственным голубым окуляром. – Не рекомендуется находиться рядом с организмом дольше трёх минут, – с нажимом произнёс робот, покрутился возле входного терминала и убежал к крану.

– Возьмите респиратор, – Снегурочка протянула маску, – вы подвергаете себя опасности! – Она вздохнула: – Хотели людей порадовать, а в результате получили панику, иски от одиннадцати пострадавших с отеком Квинке и девяносто пять заявлений на возмещение морального ущерба. Кустофарианцы и зелёные в знак протеста устроили пупочный флешмоб, а синие и грамматисты получили двенадцать мест в правительстве и шесть минут эфирного времени ежедневно. Акции «Доширака» рухнули, магнат Альмонд Тин купил контрольный пакет, и теперь здесь будет гранатовое дерево.

Несколько обалдевший от новостей Фёдор взял респиратор, надел и склонился к ушку девушки:

– Можно я ближе подойду? Пожалуйста! Понимаете, я никогда не видел такой ёлки! У неё же – как это? – хвоя. И запах. А ещё очень хочу поселиться, я невесте обещал – хоть одну голограмму, пожалуйста!

Снегурочка посмотрела в честные глаза Фёдора, на рыжие волосы и милые веснушки, улыбнулась:

– Ну, если для невесты... Разве что на минутку.

Фёдор замер, его лицо почти касалось сизо-зелёных игл. Он втянул носом запах и закрыл глаза. Странно. Так непохоже на то, что он знал всю жизнь. Живую ёлку нашел, надо же!

Фёдор ухватился за ближайшую ветку, дёрнул – ладонь обожгло, но пушистая веточка оказалась в руке.

– Внимание! Административное правонарушение! – заорал робот, красный колпак Деда Мороза съехал на металлический затылок. На пути робота попался рулон моносетки – ячейки зацепились за стабилизаторы, и полотно потянулось за вёрткой машиной, которая пыталась схватить преступника.

Фёдор побежал вокруг ёлки, натываясь на тросы и распорки, вопя те самые выражения, которые давеча мысленно адресовал Снежанне. Робот катился позади и, несмотря на разматывающуюся моносеть, не отставал.

Замаячил перед носом выход. Фёдор рванул туда, поскользнулся, полетел кувырком, за спиной завопили сигналки – робот барахтался в натянувшейся моносети и вызывал подмогу. Мохнатый конус ёлки мотался от толчков и зловеще потрескивал.

Длиннокосая девушка уперла кулачки в бока, сиреневые глаза метали молнии. Под сапожками валялись респираторы. Девушка шагнула к валяющемуся Фёдору.

«Всё кончено!» – подумал он, заелозил, чувствуя, как брюки на задуга цепляются за бетон, поднял руку, словно зелёная живая веточка могла защитить от разъярённой фурии.

Снегурка хмыкнула, протянула Фёдору худую ладошку:

– Бежим!

День пятый

Фёдор нащупал край простыни, натянул на живот и почувствовал, что краснеет. Он и сам не мог понять, как же быстро всё получилось: вчера эта ненормальная чуть руку ему не оторвала, таща за собой по технологическим улицам и задворкам Индиополиса, а сегодня они проснулись в одной квартирной капсуле и даже в одной кровати. Фёдор зажмурился: нет-нет, ничего между ними не было, просто одно стандартное спальное место – больше ведь и не нужно одиночкам. Разве что у Вероники – так звали Снегурочку – есть возлюбленный на стороне. Да и как не быть у такой красавицы?

– Привет, – Вероника распахнула сиреневые глаза, перепрыгнула через Фёдора и закружилась по комнате в смешной пижаме с зайчиками. Чёрные короткие кудряшки завихрились вокруг головы – коса оказалась бутафорским приложением к шапочке. И хорошо, сочетание тёмных волос и сиреневого взгляда нравилось Фёдору. Запахло булочками и кофе. – Вставай, горе глюковое!

Помятая, но бодрая зелёная веточка стояла в прозрачном стакане рядом с новостным экраном.

– У тебя не будет из-за меня неприятностей? – Фёдору сегодня – до красноты ушей – было чудовищно стыдно за кражу. А ещё он, кажется, отбил коленки и потерял копчиковый сенсор.

– Ах, – махнула рукой девушка, – ерунда! Ёлку уже демонтировали и увезли в Сахарасити, домой, она признана опасной для города. Теперь там новогоднее гранатовое дерево! А нас никто не ищет, наказание за нарушение – тридцать семь минут дегустации экспериментальных видов «Доширака» – прошли, и срок ответственности миновал.

– Спасибо, Ника, – Федор понял, что Снегурочка спасла его от тяжёлой участи, задумался: – Выходит, теперь мне нужно лететь в Сахарасити. Ветке Снежанна не обрадуется. Помчусь за целой ёлкой.

– Вот как? Значит, её зовут Снежанной... красивое имя, – Вероника застыла на месте, сжимая в руках кофейный реактор. Фёдор невольно залюбовался тонкой как прутик фигуркой.

– Федя, ты только не огорчайся, ладно? – кажется, Снегурочка готова была вот-вот всхлипнуть. – Вчерашняя ёлка – она тоже не совсем такая, что ты искал.

– А какая же?

– Она... лабораторная: селекционная камера, искусственная питательная среда, актино-ритмы... Это дендроид! Генетически сконструированная симуляция нужной формы и фактуры.

– Откуда ты знаешь? – не поверил Фёдор. Глаза защищало в предчувствии страшной несправедливости и бесполезности беготни за живой ёлкой.

– Так я там работаю, Федя, – Вероника присела рядом, положила тёплую ладонь на плечо, заглянула в глаза. – Не расстраивайся, пожалуйста. Твоя Снежанна не заметит подмены. Дендройды почти как настоящие деревья.

– Вот именно, почти! Вероничка, – Фёдор не заметил, что назвал девушку ласково, так, как называет, вероятно, её парень, – блин, не в Снежанне дело, я же сам буду знать, а это ужасно.

– Что такое «блин»?

– У одного питекантропа научился, – Фёдор вспомнил отзывчивого лавочника, – означает высшую степень огорчения, разочарования, негодования – да чего угодно!

Вероника молча встала, прошла к экрану, остановилась:

– Эх, дедушка сейчас спит. Но... я буду не я, если не помогу тебе, Федя. Только – блин! – трудно нам придётся.

Она его понимала! Фёдор заулыбался.

День шестой

Сначала Фёдор решил, что задумка Вероники вполне осуществима.

Снегурочка оказалась родом из лабораторного наноселения при Полярной резервации, где проживало не более ста человек и куда посторонний в здравом уме и памяти ни то что носа, мизинчика не сунет.

Позади капсулопузыря остались мерцающие пояса Антарксити, они неслись у самой земли по единственной трубе, ведущей к провинциальному оазису.

Здесь, по словам девушки, жил её дед, и работал он оператором комплекса дикой природы. Егерь! – Фёдор посмаковал новое слово. Воображение разрывалось между образами звероподобного нелюдимого здоровяка и аскетичного профессора-фанатика с комплекцией наследственного виртуала.

Над Антарксити Фёдор ещё сомневался, что Вероника не нуждается в помощи психиатров, но когда пузырь вынесло в центр микроскопического городка на нулевом поясе, уставленного кубиками одноэтажных домов и окруженного защитным периметром, поверил ей окончательно и бесповоротно.

– Самое сложное, Федя, – говорила Вероника, – переправить ёлку из резервации в Антарксити. Таможенный карантин не пропустит...

Фёдор неловко топтался у порога, глядя, как Вероника обнимается с высоким поджарым мужчиной с такими же сиреневыми глазами, как у неё. Панда на его розовой футболке обнимала девушку тоже.

– Ро! Солнцестояние приехала встречать, да ещё не одна, – мужчина ревниво скосился на Фёдора, перекинул дымящуюся палочку из одного края бороды в другой. Его волосы торчали вверх блестящей тёмной волной, запястья увивали гирлянды зелёных шевелящихся трегольников.

– Я останусь, дедушка, а вот Феде... – и Вероника, недолго думая, посвятила деда в их авантюру...

– Для гёрлфрендс, значит... – дед Николай забарабанил пальцами по столу и выпустил облачкопряного дыма, панда на футболке моргнула, – годно, сам был молод, горяч и много-

слоен, как Шрек. Оки, в резервацию пушу, ну и чекну вам ёлку на плане – давно апгрейдить молодняк пора, чёртова прокрастинация. И контрабас протащим! Закутаем в голококон, как реагенты для новогоднего аромата – раньше тебя, Федя, придёт посылка. Никто и не унюхает, что там реально ёлка. Вот только потом, френд, рассчитывай на себя, на меня никаких референсов, плиз. Ёлки аллергенны, попадешься властям – и будешь Солнцестояние встречать в штраф-руме, и травлей новыми сортами хрючева не отделаешься.

Чем-то, неуловимо, Вероникин дед напоминал Фёдору лавочника «питекантропа» – если не из одного поколения старики, то где-то близко.

В резервацию собирались долго. На Фёдора и Веронику надели «винтажные», как выразился дед, комбинезоны со встроенным подогревом, аптечкой и системой связи, шлемы с респираторами, трубочками для питья. За пояс Фёдору засунули древнюю электроножовку, прицепили моток верёвки.

У стенки защитного купола дед Николай еще минут пять давал инструкции «городским» и делал селфи с внучкой, только после этого выпустил ребят наружу, в резервацию.

За спиной зашипел и захлопнулся люк шлюза, Фёдор ухватил за ладошку Веронику и опасно сделал первый шаг.

Над головой разверзлось непривычно огромное голубое небо, не отгороженное ни потолками, ни куполом, ни даже климатическими щитами. В ярком свете комбинезоны заискрились алыми блёстками. Ноги провалились в белую субстанцию-кашу – холодную и мокрую. «Это же настоящий снег!» – догадался Фёдор.

Вокруг ветками без листьев тянулись вверх деревья – не ёлки.

Вероника стянула респиратор, счастливо взвизгнула:

– Здравствуй, лес! – и по неровным складкам снега рванула навстречу ошетилившимся голым веткам.

Фёдор последовал её примеру и тоже снял маску. Легкие обожгло непривычно холодным воздухом, в горле запершило. Он постоял немного, глядя на белые облака пара из собственного рта, а потом поспешил вслед за девушкой.

Они вышли на большую поляну, зеленеющую с другого края. Ёлки! – понял Фёдор, обогнал Веронику и внезапно провалился в снежную яму, завалился вперёд, пытаясь ухватиться хоть за что-нибудь. Руки напрасно искали опору, вязли в сыпучем снегу, он набивался в рот и царапал щёки. По спине побежал холодный пот ужаса.

– Верёвку! Кинь мне верёвку! – крикнула Вероника с тропинки. – Горе глюковое, тут же наотпано, а кругом сугробы!

Фёдор забарахтался сильнее, скрючился, ощупывая пояс. Сообразил, что глубже не проваливается и, осторожно опёршись коленями в зыбкую твердь, выкинул конец верёвки на тропу.

– Тихонько иди! А теперь, блин, залезай! – командовала девушка.

Вскоре Фёдор, облепленный белым крошевом, как снеговик в книжке, выкарабкался на утоптаный снег. Тело дрожало от напряжения, и Фёдор с тоской вспомнил уютное кресло с массажем и подогревом... дома. Вероника хлопнула по плечу, начала отряхивать, а он позабыл о кресле – сам бил себя по животу и коленям, подымая облака сверкающих снежинок, и улыбался – так приятны были её хлопоты и искреннее переживание.

– Ты меня спасла, – тихо сказал Фёдор, а в голове мелькнуло: стала бы спасать его Снежанна? Скорее, она бы и не вышла из-под купола в этот страшный лес вместе с ним.

– Меня дедушка в детстве учил ходить по зимнему лесу, а ты первый раз тут, – Вероника надвинула респиратор, пряча недавний испуг. – Пойдём, ёлки близко.

Фёдор неловко убрал респиратор с её лица:

– Ты за меня так испугалась, Вероничка? – Белый парок дыхания повис между ними.

– Нет... За ёлку, блин! – фыркнула девушка прямо в его губы...

– Представляешь, дедушка, он не стал её резать! – возмущалась Вероника.

Дед Николай лишь ухмылялся, пускал из самокрутки пряный дымок и разводил руками. Он смотрел на парня, шурился и, кажется, что-то понимал. Панда на его футболке делала непроницаемую морду.

А Федор, и правда, не стал.

Тогда в лесу, когда они подобрались, наконец, к ёлочкам, и Федор увидел их нежную красоту с макушек до пяточек: крохотные шишки, острые иголки хвои, капельки смолы на тонких стволах, он вытащил ножовку и... Правильно говорит Вероника – резать, всё равно что убить. И принести убиенную Снежанне. Нет уж, обойдётся веточкой!

День седьмой. Новый год

Капсулопузырь мчался по трубе – по одной, второй, десятой...

Фёдор развалился на сиденье, не обращая внимания на цветные пятна дорог, не выходя на празднично украшенных станциях. Автомат, настроенный на адрес «Восточноевропейский мегасити, &nap, пояс 120», справлялся сам.

Фёдор смотрел на живую еловую веточку и грустил. Ему казалось, что прошла не неделя, а гораздо больше, он не только соскучился по дому, но и расскучился, а потом соскучился снова. В памяти лицо Снежанны размывалось и иногда заменялось другим – с сиреневыми глазами.

– Какое у тебя желание на Новый год? – спросил он у Вероники, прощаясь с девушкой в Антарксити.

Она пожала плечами:

– Что толку – желать? Останусь с дедушкой, испеку пирог и сделаю «Доширак-Оливье». Блин, отправляйся, Федя, а то я расплачусь. Тебя ждут.

Фёдор кивнул, залез в капсулопузырь. Тысячи слов вертелись на языке. Но он так и не решился произнести ни одно из них.

– Я бы хотела праздновать Новый год с тобой! – услышал он, прежде чем унёсся по трассе в прошлое.

Квартал офисных крыс пах праздником, который случится через пару часов, но сквозь искусственный аромат голографических ёлок пробивался другой – работы, зубного порошка и грифеля.

Фёдор нажал сенсор на входной мембране.

Снежанна тотчас появилась на пороге, уже одетая в роскошное переливающееся платье. Новые платиновые волосы возвышались над головой в сложной причёске-зонте. Татушка на лбу другая: наполовину съеденное яблоко.

– Фёдор! Я жду и жду, – щебетала Снежанна, увлекая парня в квартиру-капсулу и косясь на ветку в его руке.

– Подарок... – смутился Фёдор. – Твоё желание.

– Из-за неё ты пропадал так долго? – девушка поглядела на веточку с недоумением. Она пальчиками зажала нос, коснулась хвои, брезгливо отдернула руку, спохватилась: – Спасибо, ты молодец. Пусть тут полежит, – она быстро кинула ветку на кресло.

– Ей вода нужна, – пробормотал Фёдор.

Девушка не расслышала. В капсулу хлынула хохочущая толпа наряженных Снежанниных сослуживцев. Веточку кто-то смахнул, она оказалась под ногами.

– Снежка, поспеши! – забасил мужик в облегающем супергеройском костюме человека-банана, схватил её за плечи. Зонтик платиновых волос заплясал.

– Ты с нами? – перекрикивая шум, спросила Снежанна, как будто, по каким-то причинам, Фёдор мог быть не с нею.

Толпа вывалилась в коридор, увлекая растерянную пару.

– Я сейчас, – тихо сказал Фёдор, выпустил руку девушки.

– Догоняй! – басил мужик-герой, тесня компанию к трассовым трубам.

Фёдор поднял растоптанную веточку, положил в карман.

В капсулопузыре он заложил в автомат обратный маршрут – Антарксити.

В пути Фёдор набрал код связи и заулыбался, когда на дисплее появилось удивлённое лицо Вероники:

– Вероничка, а пирог с чем будет? – сказал он.

– Вегетарианский, с цеплеклюями, – тряхнула она чёрными кудряшками.

– Да? Если так, то моё желание совпало с твоим... И я уже не про пирог! – поспешил добавить Фёдор, совсем смутился: – Я к тебе, можно?

– Блин, Федя! – ответило чудо с сиреневыми глазами. – Конечно, можно!

Евгения Кротова

Ещё один подарок для читателей «Непростых историй» от автора-составителя сборников.

«Мне 38 лет. Живу в г. Благовещенск, а сама из Москвы. По образованию юрист, книги пишу со школы, последние 5 лет – наиболее плотно. Закончила литературные курсы «Мастера текста». Есть рассказы, опубликованные в сборниках и литературных журналах, сетевые публикации. Член Союза писателей России.

Победитель номинации "Подростковое фэнтези" национальной литературной премии «Рукопись года» и финалист Конкурса детской и юношеской книги ЛитРес и ЛайвЛиб за рукопись «Вершители: посох Велеса». Финалист конкурса «Новая детская книга» в номинации «Фэнтези. Мистика. Триллер» и победитель читательского голосования за мистический триллер «Альтераты: миссия для усопших».

Сборник рассказов «Дом с панорамными окнами» – вошёл в Шорт лист литературной премии «Электронная буква» (номинация Малая проза).

Автор пяти романов в жанрах современная проза, детектив и триллер.

Буду рада встретиться с вами на ЛитРес <https://www.litres.ru/evgeniya-kretova-13071576/>»

Новые приключения Сне Гурки

Зелено-голубой шарик в тонкой искрящейся плёнке атмосферы неказист и неприметен. Его здесь точно искать не будут. Кому он нужен, на краю Галактики?

Прозрачная капсула ловко метнулась от подслеповатого спутника, чиркнув по геостационарной орбите, просочилась сквозь пелену облаков, нырнула под грозовой фронт.

Дет Моесс удовлетворённо хмыкнул, не поймав пеленга патрульной службы.

Капсула зависла над ночной стороной планеты, и, выбрав место посадки, юркнула в полутьму.

– Три ноль, три ноль, – сонно доносилось из ретранслятора, – примите экстренное сообщение.

Капитан патрульной службы Сне Гурка, дёрнул чёрными пушистыми кисточками на острых ушках, потянулся к кнопке приема.

– Три ноль у аппарата, – широко зевнул.

– Три ноль, в ваш сектор прибыл несанкционированный катер, необходимо предотвратить посадку, чтобы избежать контакта с аборигенами и, в случае необходимости, произвести зачистку. Как поняли? Приём.

Сне Гурка удивлённо изогнул бровь: какого квартозианского окуня сюда припёрло нелегала?

– Вас понял. Сообщите код нелегала.

– Семёрка.

Капитан поморщился: семёрка – это глюк. А глюк – это волдырь на заднице, чёрт бы побрал эти приграничные секторы.

Сне потянулся к динамику, надо «обрадовать» команду:

– Внимание, общий сбор в рубке. Код «семь». Миссия – вытащить глюка с Земли до того, как Земля станет глюком. Всем ясно?

Моесс просканировал поверхность. Ментальная активность на планетке очаговая, логическое мышление аборигенов ассоциативное, высокая склонность к иррациональному мышлению. Ментограмма яркая, аж глаз режет. «Что там у них происходит, интересно?», – равнодушно спросил сам себя. Он пролетел чуть дальше, нашёл местечко поспокойнее. Прямо норка тихая – ни тебе местных, ни тебе патруля, ни матушки с её вечными кулинарными экспериментами, от одной мысли о которых сводило желудок, а в горле сворачивалась колючим комом едкая слюна.

Моесс потянулся, стряхивая воспоминания, и сладко зевнул.

– Искин, режим сна, – тихо скомандовал он. Тут же почувствовал, как навигаторское кресло принимает горизонтальное положение, из бортиков выдвигаются мягкие полигласовые пластины, принимая эргономичную форму и укутывая тело пассажира в прочный изотермический кокон.

«Спать, сорок часов спать», – сладко подумалось перед погружением в приятную дремоту.

Сне распределил исследование секторов между членами команды:

– Зои, Трыш, вам достанется сектор один, – он очертил большую полусферу в районе северного полюса. – Ксю, забирай экватор от сюда до сюда, – он провёл указкой, выделив нужные широты. – Себе забираю вот эту обширную область, – он указал на тёмный континент. – В помощь ко мне поступают старпом Зуяба и Зырк, вы прочешите территорию от океана вглубь

континента. Встретимся вот в этой точке, – капитан выделил горную цепь поперёк континента и отметил красным флажком точку, удобную для посадки.

– Какие указания в случае поимки глюка? – Зои, высокий сверианец, с квадратной головой и наголо бритой челюстью, хмурился: холод он не любил, от местного покрова, именуемого аборигенами снегом, у него слезились глаза, а на коже проступали сине-зелёные пигментные пятна, делающие его похожим на рептилоида.

– Нейтрализовать. Учитывая проворность товарища, нейтрализовать немедленно, попытки к бегству пресекать жёстко, – капитан задумался. – И это, ребят, не следите там. Чтобы зачистку не пришлось проводить.

Зуяба изучал выгрузку данных по сектору поиска.

– Капитан, в нашем секторе в ближайшие дни неспокойно. Аборигены отмечают большой всепланетный праздник. Здесь – особенно активно. Взрывами окрашенных пороховых снарядов, лентами, ряжеными, традиционной трапезой с употреблением в пищу ядовитой смеси и горючих жидкостей.

– Как называется праздник-то? – капитан нахмурился: это существенно ухудшает дело, глюк может мимикрировать, может притворяться кем угодно, чем больше объектов, тем сложнее его будет найти. А в толпе вообще не выловишь.

– Новый год. Действующие лица: старик с бородой в красной шубе, девочка с белыми косами, зайцы, фольклорные элементы типа злодеек-женщин по имени... Йа-га, – Зуяба с трудом выговорил сложное слово, – говорящие зайцы, коты, ну и мелочь всякая типа супераборигенов, аборигенов-кошек, аборигенов-пауков... Брр. Сразу вспомнил арахнопода Кселуса, которого конвоировали прошлым секстебрём. Местным, видимо, голову сносит, раз они в таких наряжаются. – Его передёрнуло.

Капитан задумался.

– Надо вывести нашего нелегала за пределы населённых пунктов и там изловить. Другого выхода не вижу. Если он, конечно, окажется в этом секторе.

Зуяба подвигал челюстями, недовольно шмыгнул носом:

– Готов поклясться, что подлец окажется именно в нём. Окологуманоидные развлечения – его стихия.

– Я не хочу к бабушке, не хочу, не хочу, не хочу! – Инга верещала на всю проезжую часть. От хорошо поставленного сопрано не спасали ни задраенные стёкла автомобиля, ни окрики мамы, ни удивлённые взгляды водителей и пассажиров соседних машин, застрявших, к несчастью, в предновогодней пробке на выезде из столицы.

– Инга, ты ведешь себя некрасиво. Минус один подарок от нас с папой, – Рита старалась быть спокойной. Покосилась на Андрея, тот хмуро изображал, что дочкина истерика его не касается, что он даже не слышит её. – Ты-то что молчишь? – Рита наклонилась к нему, чтобы быть уверенной, что он её расслышал. Муж плотнее сжал губы, промолчал. – Понятно, – Ритка откинулась на спинку, – снова мне разгребать.

– Не хочу в эту дурацкую деревню! – скандалила дочь. По её миловидному лицу, туго заплетённым тёмным косичкам с ярко-малиновыми бантами и общему виду прилежной отличницы и не скажешь, что этот ребёнок способен на такую отчаянную истерику.

Не поворачиваясь к дочери, тихо, но отчётливо Рита проговорила:

– Ещё один звук, и на вокальный конкурс ты не поедешь, – сказала, положила руку себе на колено и выставила указательный палец. В следующую секунду добавила к нему средний, потом безымянный и, наконец, мизинец.

Четыре секунды.

Истерика прекратилась. На заднем сидении воцарилась тишина. Рита победно покосилась на мужа, тот впечатлённо изогнул бровь и скривил губы.

– Так нечестно, – дочь надула губы, уставилась в окно. – Вы мне не оставляете выбора. А выбор делает человека, то есть меня, человеком.

– Скажите пожалуйста, мы уже философскую базу под свои истерики и выкручивание рук родителям подвели, – Рита деловито поправила полушубок. – Но выбора в данном случае у тебя, действительно, нет.

– Вот я и говорю – нечестно.

– Это жизнь, детка, – мать вздохнула. – А она вообще несправедлива.

Ехать к свекрови на Новый год Рита тоже не хотела.

Что она там забыла? Деревня. Наряженная блестящим мусором ёлка во дворе, квашеная капуста «по фирменному рецепту», вечные пирожки с зелёным луком и яйцом, от одного запаха которых воротило. Да, вкусный холодец. Это плюс. И свежий воздух. Но даже платье не наденешь. Фотки новогодние в Инстаграм не выставишь. Потому что – позориться. Но Андрея корёжило от осознания сыновьего долга.

Первого ехать он отказался наотрез. Новый год, чтоб его, семейный праздник. Дарья Ивановна ввиду возраста прибыть к ним не может, значит, они едут к ней. Точка.

Вот примерно так.

И это «Ты мне не оставляешь выбора. А выбор делает человека человеком», – это её, Риткин, финальный аргумент, подвешенный в кухне, словно ружье. Дочь со своим музыкальным слухом услышала их вчерашний спор.

И сейчас, по дороге к свекрови, дочь закатила истерику: она собралась в кино на каникулах, она хочет на ёлку – папа обещал, она хочет гулять и есть мороженое в торговом центре, с поездкой на все каникулы к бабушке это никак не совмещалось.

– Ну почему-у? – канючила Инга самым противным голосом из всех возможных.

– А, в самом деле, почему? – Рита решила, что и мужу пора включиться и отстаивать свою же собственную инициативу.

Андрей снисходительно покосился на супругу:

– Чтобы когда ты станешь старой и немощной, твоя дочь так же схватила семью в охапку и приехала к тебе встречать Новый год. Потому что Новый год – семейный праздник, и встречать его в одиночестве – преступление. Для этой самой семьи. Всем всё понятно? Или есть ещё вопросы?

Андрей – бывший военный. Хотя военные бывшими не бывают.

Ритка закусил губу, повернулась к дочери и выразительно щелкнула языком.

– Верно папка говорит. Я тоже хочу, чтоб ты с семьёй к нам приехала, когда-нибудь, когда я стану старой и немощной.

Инга надулась:

– Только если вы не будете кормить меня квашеной капустой.

Они свернули с МКАД на шоссе. Мелкий снежок сыпал под колеса, скрашивая накопившуюся грязь и пыль. Обочину украшала праздничная иллюминация, у торговых центров красовались гигантские ёлки.

– А ёлка у нас хоть будет? Иначе куда Дед Мороз подарки положит? – переживала Инга.

Андрей усмехнулся:

– Будет, куда ж она денется... Только в прошлом году ты, вроде бы, утверждала, что в Деда Мороза не веришь.

Инга промолчала. Веришь-не веришь – вопрос десятый. Но по старой привычке она спрята в морозилке бумажку с желанием.

***

Контрабандист и галактический нелегал Дет Моесс проснулся от толчка – его небольшую капсулу, подхватив воздушным потоком, едва не перевернуло, сработала аварийная система стабилизации, под куполом рубки мелькнул и погас ярко-красный огонек оповещения. Глюк

неторопливо просмотрел записи внешних визиров: столько шума наделала промчавшаяся мимо колымага кого-то из местных: чёрный грохочущий монстр, дышащий токсичной смесью газов, канцерогенов, альдегидов и сажи. Моесс поморщился:

– Что за планета, подери вас всех грызанский хрым, – пробормотал недовольно. – Поспать и то не дают.

Красные проблесковые огоньки манили за собой. Глюк заморозенно направил капсулу за пылящим оксидом серы, азотом и бензопиреном устройством.

Вечерний лес, шелест гравия под колёсами – глюк с интересом наблюдал за новой для него планеткой. Последние десять лет он преимущественно обитал на космических станциях. Хлоя – с её огромной полигласовой крышей, Стримм – в лучах оранжевой Глаугели. Та же Тамту, хотя ему на главном форпосте креонидян пришлось весь день просидеть в техотсеке, ремонтируя потрёпанный двигатель. Ну и основное его обиталище – Калипсо, тюрьма для особо опасных преступников. Разорви скварр этого Клиффа, который сдал его патрулю. Вот эта забытая всеми галактическими богами планетка на краю обитаемого мира – крохотная, аккуратная, словно выточенная умельцем из камня, – его внезапная удача.

Тем временем колымага, пыхнув водяными парами с примесью оксида углерода на повороте, свернула с дороги в пролесок и, проехав несколько сот метров, вынырнула к поселению. Полсотни занесённых белой пылью лачуг, в половине из которых не светились даже окна.

Странно, Моесс не помнил, чтобы ментограмма выдала ему присутствие аборигенов в близости от точки приземления. Хотя что там фиксировать? Аппаратура фиксирует лишь скученные импульсы. Эта деревенька – словно иголка в стоге сена. Потому и не найдёшь её по ментограмме. Одна улица, прямая как креонидянский тракт, да покосившийся колодец в центре, похлеще его конуры на Калипсо. Глюк поёжился и торопливо рванул за мигнувшим проблесковыми огнями аппаратом: тот как раз остановился у неприметного с виду дома, от которого, Моесс почувствовал это даже из своей капсулы, тянуло теплом, уютом... и ещё чем-то. Остро. Пряно до головокружения. Глюк шумно сглотнул.

– Режим маскировки. Код Один. Пароль 20-21-12, – он защёлкнул на запястье браслет-коммуникатор. – Сканирование радиуса в постоянном режиме.

– Сообщаю о необходимости подзарядки, – мелодично напомнил искин.

– Подзарядка в стандартном режиме, используем энергию местного светила.

– Есть, капитан, использовать энергию местного светила 2-Я-ЗЭ-glis для подзарядки. Кстати, в местных инфокаталогах, оно значится как Солнце. Расчётное время начало подзарядки: семь часов тридцать восемь минут согласно местной системе.

Глюк хмыкнул: Солнце – смешное название. На его родном языке оно означает «лохматое блюдо». Совпадение странное, конечно, его предки вряд ли когда-либо оказывались в этой части галактики. Если только пару сотен лет назад. Но местные, учитывая примитивную систему счисления и хранения данных, вряд ли это могли зафиксировать. Моесс пожал узкими плечами, взлохматив отросшие за время отсидки на Калипсо кудри цвета местной вездесущей пыли, нажал кнопку открытия шлюза и направился к выходу наружу.

В нос ударил аромат озона и местной флоры.

Глюк чихнул.

– Удачного дня, капитан, – пропел в наушниках искин и отключился.

***

Инга недовольно морщила нос, прятала его в мягкий ворс: в деревне пахло растопленными печами, их дым белыми, мерцающими в чернильной синеве неба столбами поднимался над заснеженными крышами.

– Звёзды-то какие яркие, – восхищённо выдохнула Рита, запрокидывая голову. – И низкие, будто над головой висят!

– Оптическая иллюзия, – пробормотала Инга, – вызванная низкими температурами и дефицитом освещения.

Рита и Андрей переглянулись:

– Дочь, а ведь ещё в прошлом году ты верила в Деда Мороза, – снова напомнил отец.

Инга шумно шмыгнула носом:

– Я маленькая была, мне десять лет всего было. Деда Мороза не существует. И чудеса не случаются.

На крыльце мелькнула низенькая тень в светлом полушубке.

– Родные мои приехали! – всплеснула руками пожилая женщина, бросаясь навстречу по нечищенной дорожке, забирая в валенки пушистую снежную крошку. Инга нацепила счастливую улыбку, направилась к ней.

– Куда катится мир? – вздохнул Андрей, глядя вслед.

– Мы сами делаем наших детей невыносимыми прагматиками, не жалуйся, – проворчала Рита и добавила: – Ты в возрасте Инги снеговиков лепил и «Мишкиной кашей» зачитывался. А им сейчас подавай гаджеты, попкорн и смузи.

Рита подхватила сумку и направилась к дому.

Андрей постоял ещё полминутки, наблюдая, как его дамы шумно обнимаются, подцепил пакеты с продуктами и, мигнув сигнализацией на авто, пошёл к ним.

Глюк наблюдал за аборигенами и чувствовал, как внутри черепной коробки вскипает мозг, словно брионил в кваркглюонном поле.

«Дед Мороз?!» – повторял про себя. Не могли же они о нём знать! Или перехватили инфосигнал? Учитывая допотопные средства связи, конечно, легко предположить, что вместо благородного Моесс, они слышали «Мороз». Идиотская ситуация.

Он собрался возвращаться на корабль, когда через коммуникатор раздался сигнал искина корабля:

– Капитан, в моих настройках значится требование о немедленном уведомлении в случае приближения галактического патруля. Сообщаю, что патруль вошёл в верхние слои атмосферы. Расчётное время прибытия: пятнадцать светил.

Глюк ругнулся:

– Разорви скварр этих ищек, – и отключил связь.

Сощурившись, посмотрел вверх, на нависшие над головой звёзды. Одна из них заметно увеличивалась в размерах и смещалась к линии горизонта. Моесс пожевал нижнюю губу, сосредоточился. Мгновения хватило, чтобы принять решение, глюк, приглядевшись к зарослям ароматных колючих растений, нахохлился и глубоко вздохнул.

***

Капитан Сне Гурка раздавал последние указания и ориентировки команде:

– Реагируем на изменение импульсной активности не только объекта, но и его окружения. Обращаем особое внимание на небольшие предметы, которые соответствуют росту и весу нашего глюка Дета Моесса. Данные параметры он изменить не сможет, так что это чуть ли не единственный ориентир в поисках...

– То есть отмечаем только крупные объекты? – не разделил капитанского оптимизма старпом Зуяба и подытожил печально: – Эх, текило-хреновато...

– В панику не впадать, – строго отозвался капитан, покосившись на старпома. – Зои, что нам известно о способах маскировки глюков?

Громила с квадратной челюстью перебросил на персональные коммуникаторы сводку. Крохотная, размером с мизинец самого Зои, голограмма превращалась из низкорослого приземистого мужичка с серебристыми волосами то в лопоухого паренька, то в лохматую собаку.

– Возможна трансформация по альфа-типу, то есть внутри гуманоидной ветки, а может – по бета-типу. Тогда нам придётся мириться с сюрпризами в виде собак, крупных кошек, птиц и даже рыб. Но последнее вряд ли – Дет Моесс категорически не любит сырость.

– А предметы? Их-то можно отсеивать? – пробасил Зуяба и сморщил нос, будто страдая от зубной боли.

Зои неопределённо кивнул:

– Можно, но не нужно. Службисты Калипсо утверждают, что смыться из-под их бдительного надзора нашему глюку удалось именно благодаря трансформации в корабль с креодисками.

Зуяба красноречиво покосился на капитана, заdraивая за собой шлюз посадочного модуля.

Капитан строго посмотрел на остальных сослуживцев, скомандовал:

– Время посадки – тринадцать светил. Прошу занять посадочные модули.

Шесть прозрачных капсул-шаров отделились от патрульного катера и по заданной искином траектории один за другим нырнули в атмосферу крохотной планеты.

– Капитан, у нас всё чисто, – рапортовали вслед за Кнышем и Зои напарники по поискам на континенте.

Сне Гурка мрачно вздохнул, принял сигнал оповещения:

– Спасибо за службу. Значит, наш нелегал в моём секторе.

– Прикажете переброситься к вам? – просипел в коммуникатор Зои.

– Нет, возвращайтесь на катер, – отрезал капитан, – Зуяба и Зырк, как далеко от моего местонахождения? Не вижу вас на дисплее.

– Это оттого что вы над водной поверхностью, – Зуяба говорил размеренно, – видим вас. Будем через шесть минут.

Сне Гурка, действительно, миновал широкий залив. Он начал исследования с севера континента, методично передвигаясь к экватору. На пути – крупные города сектора. Он сверился с картой: на этом крохотном куске суши аборигены обитали скученно. Плохо, если глюк все-таки приземлился здесь.

Датчики пока молчали, не фиксируя топливный след капсулы мерзавца. Но сердце капитана галактического патруля сжималось в тревожном ожидании: то, что, по его мнению, было самым худшим, с ним последнее время непременно случалось. Сюда можно отнести и направление в этот богами забытый сектор Млечного пути. Здесь можно сгнить, а так и не добиться повышения.

Нынешний нелегал – это не способ проявить себя. Это ежедневная рутина, которая в центральном аппарате даже за работу не считается и не отразится в его личном деле. А вот если он проворонит глюка, и тот перебаламутит всю планету, то, считай, можно уходить на пенсию. Этому ему не простят.

Датчик мелодично пискнул, отрывая от невесёлых мыслей: приближались посадочные модули Зуябы и Зырка. И почти одновременно с ними мигнул красным фиксатор галогенового излучения, фтористая сетка безошибочно подсказала, что капсула глюка была здесь не более трёх часов назад.

– Есть след, – Зырк опередил его. – Разрешите продолжить преследование?

Сне Гурка не возражал.

– Фиксирую импульсы семь-класса, – сообщил в коммуникатор осипший голос Зои, уже вернувшейся на катер и подключившейся к искину. – Пересылаю координаты местонахождения.

Капитан покосился на выгрузку карты с отмеченной красным точкой. Крохотный населённый пункт.

– Дюймовка, – едва прочитал он транскрипцию странного местного названия. – Зуяба, Зырк, принимайте координаты, заходим с трёх сторон. Этот кадр не должен от нас ускользнуть.

Странно, но глюк не пытался бежать.

Его капсулу нашли почти сразу. Она оказалась в режиме сна, в ожидании подзарядки. Сканер показывал, что энергии на взлёт вполне хватило бы, а вот на транзакцию уже вряд ли. Если только коротенькую, в соседний сектор. Но там патрулей больше, чем тараканов на Калипсо.

Сне Гурка вышел из посадочного модуля, обошёл замаскированную капсулу глюка кругом.

– Может, он внутри? – предположил Зырк.

Сне Гурка осмотрел рыхлую белую пыль под ногами, в ней чётко отпечатались следы.

– Нет, он вышел из капсулы и направился в сторону поселения, – сделал вывод капитан: от капсулы отделялась единственная дорожка следов.

«Ну, что ж, поиграем, глюк», – Сне Гурка прищурился.

– Активировать фотонные визиты. Ментосканер настроить на код семь, – скомандовал он команде. – Начинаем всеобщее прочёсывание сектора по протоколу, прошу занести в бортовой журнал информацию о времени начала операции.

Искан в коммуникаторе послушно повторил задание. Капитан уже не слушал. Чутьё подсказывало ему маршрут, можно и на следы не смотреть. Глюк кого-то увидел. Он шёл целенаправленно. Куда?

Крохотная деревенька: Сне Гурка насчитал на сканере двадцать восемь обитаемых жилищ. Чуть больше сотни аборигенов. Зачем глюк направился сюда? В паре световых лет – огромный по меркам планеты мегаполис, залитый огнями, прячась – не хочу. Ясно одно – подлец что-то задумал.

***

– Папа, ты ёлку обещал, – кольнула взглядом Инга, стоило Андрею переступить порог жарко натопленного дома, и побежала наверх, к матери.

Андрей сел на лавку около двери, устало вытянул ноги.

В доме было всё так же, как десять лет назад, когда он уезжал в город. Как при жизни отца. Вычищенные половики поверх жёлтых плах. Выбеленная печь. Добротный стол – сердце дома. Винтовая лестница на второй этаж с ажурными, отцовской работы, пилястрами. По стенам – деревянные панно: отец оставлял из каждой коллекции одно, дарил матери на память.

Андрей устало приземлился на лавку, поймав внимательный материнский взгляд:

– Все нормально, мам, – успокоил торопливо. – Соскучился.

Мать благодарно сжала плечо, поправила съехавшую с плеч шаль.

– Ёлка во дворе, у поленницы, – подсказала мать. – Иван привёз сегодня.

Андрей криво усмехнулся:

– Иван тебя прямо обхаживает. Ещё замуж не зовёт?

Мать легонько треснула его по загривку, направилась в закуток за печку. Наверху приглушённо шумели Ритка и Инга. На верхней ступени, наконец, показалась дочкина тёмная головка:

– Ба, а можно игрушки взять из красной коробки?

Сердце Андрея сжалось: это была коробка с игрушками, которые вырезал отец. Семейная реликвия, считай. Мать никогда не позволяла их трогать, а сейчас прислонилась к горячему боку печи, посмотрела с тоской:

– Бери... Чего уж им в пыли лежать. Пусть и Серёжа с нами на сегодняшнем празднике побудет.

Андрей кивнул: и то верно.

Вышел во двор. Морозный воздух пробирал до костей, распирали лёгкие, туго хватал обручем виски, прочищая мысли.

У поленницы притулились две ели. Андрей пожал плечами, выбрал ту, что повыше, да попушистей, стукнул гулко по земле, расправляя ветки, сбивая с них иней.

Сквозь приоткрытую дверь в сени зазвучал тонкий Ингин голосок: дочь затянула свою любимую песню Сольвейг. Улыбнулся, представляя, как расплывается в блаженной улыбке материнское лицо.

Сне Гурка вышел на окраину деревни. Вот здесь, судя по натоптанным следам, мялся глук, а потом направился к жилищу. Большой, по меркам местного поселения, дом в два этажа, был залит нарядным жёлтым светом. Белый дым поднимается к ранним звёздам. От него веяло уютом, теплом и ещё чем-то острым, пряным. Капитан принюхался, стараясь запомнить волшебный аромат.

– Капитан, следы ведут к дому. Он спрятался среди местных, – прошептал рядом Зуяба.

Сне Гурка кивнул. Сканер подтверждал мигающим зелёным: глук там, в доме.

– Дождаться, пока местные уснут? – предположил Зырк, присаживаясь на корточки.

Капитан отрицательно мотнул головой: слишком долго. Рискованно. Тихо скомандовал:

– Настроить ментосканер на глубокое сканирование.

Он вычислит его. И выманит из дома. В крайнем случае – применят дельта-сон для аборигенов, чтобы минимизировать риски.

Зырк выставил вперёд тонкую пластинку считывающего устройства. Капитан взглянул на дисплей: сине-оранжевый след присутствия глука тянулся от входа в центр помещения, путался между местными обитателями, светился пылью на руках единственного в компании мужчины, искрился на одежде пожилой женщины. Ярче всех сияла сине-оранжевым девочка.

– Это что? – Зырк и Зуяба едва лбами не стукнулись, рассматривая следы. – Почему следов так много?

– Это глук, – капитан почесал нос, шмыгнул носом. – Он нас ждал.

Пискнул сигнал коммуникатора:

– Капитан, предлагаю применить ментальное сканирование и наблюдать: глук, если он трансформировался в кого-то из присутствующих или во что-то, себя выдаст неадекватным поведением, он не исследовал традиции местных. Ему сложно быстро социализироваться и смешаться с толпой.

Капитан с сомнением выдохнул.

– Приступайте. Зырк, Зуяба, за вами периметр: смотрите, чтобы ни одна искорка не проскочила. Особенно если она размером с глука.

– Бабуль, так вкусно пахнет, что это? – Инга ластилась к бабушке, обнимала за талию.

– Пирожки. Только сегодня не с луком и яйцом, знаю, не любишь, а с вареньем. Смородиновым, твоим любимым, – пожилая женщина обхватила внучку за плечи. – Давай на стол собирать, пока твои родители отдыхают с дороги. Новый год скоро.

Инга подхватила, обвила тонкими ручонками бабушку, притянула к себе, звонко чмокнула в щёку.

Женщина только ахнуть успела, а внучку будто ветром сдуло, и в комнате, около большого стола, уже раздавался её мелодичный голосок с песенкой про трёх белых коней. Хозяйка дома исподтишка присматривалась к девочке, улыбалась.

– Ну, что тут за распевание новогодних гимнов без нас?! – Андрей и Рита спустились с верхнего этажа, услышав звон посуды.

– А мы праздновать собираемся с бабушкой, – Инга замерла у стола, будто забыла, что делала, прислушалась. Подхватила и выскочила в бабушкину спальню. С шумом захлопнула за собой дверь.

Родители переглянулись, пожали плечами.

– Мам, у нас смена караула, Инга слиняла, теперь мы на вахте, – Андрей широко улыбнулся, обнял жену за талию.

Ритка высвободилась, подхватила с лавки пакет:

– А ты чего ж шампанское в холодильник не убрал! Теперь тёплое.

Андрей деловито забрал пузатую бутылку, взвесил в руке.

– Ничего, сейчас мигом охладим, – и вышел в сени.

Рита пожала плечами, принялась за нарезку. Сервелат, ветчина, несколько сортов сыра. Тонкими полупрозрачными ломтиками. Сформировала аккуратные розочки в центре сервировочной тарелки. В спальне свекрови раздался грохот, звук разбивающегося стекла. А в следующее мгновение из комнаты выскочила Инга.

– Я уже бегу помогать.

– Что ты там делала? Такой грохот, – Рита пожала плечами.

Дочь настороженно насупилась, покосилась на бабушку:

– Я хотела сделать вам подарки, но не уверена, что угадала.

Руки Риты замерли, она обернулась к дочери, посмотрела удивлённо:

– А грохот-то от чего?

В дом вернулся Андрей, по-детски счастливая улыбка расплывалась на его загорелом лице:

– Там такая красота во дворе...

Сне Гурка вскарабкался по скользкой водосточной трубе на второй этаж, ловко вскрыл замок магнитными ключами, проник внутрь. Протокол обязывал действовать быстро и скрытно. Он притаился за занавеской: в комнате кто-то был, он слышал тихие голоса.

– Как бы Инга не обидела маму своим ворчанием, – сокрушался мужской голос.

Тихий вздох, женский.

– Она умненькая девочка, уверена, ей хватит такта держать свои настроения при себе, – послышалось чмокание. Сне Гурка поморщился.

– От окна дует, неужели мама Марина проветривает дом в такой мороз?! – шелест и торопливые шаги у занавески. Сне Гурка вжался в стену, соскользнул с подоконника и укрылся плотной тканью, свисающей с потолка.

Женский профиль, тонкий, изящный. Тёмные волосы собраны небрежно на затылке, локоны рассыпались по плечам. Эта женщина красива даже по меркам его мира. Здесь же, наверно, слывёт редкой красавицей. Сне Гурка подавил в себе вздох и... чихнул. «Разорви скварт эти тряпки!»

– Будь здоров!

– Будь здорова!

Аборигены одновременно пожелали друг другу здоровья и рассмеялись.

– Вот видишь, ты уже и простыл! – тихо проговорила женщина и отошла от окна. Капитан облегчённо выдохнул.

Послышался звон посуды внизу:

– О, мама уже на стол собирает, пойдём, поможем, неудобно, – мужской голос с нотками грусти.

Тихие шаги по лестнице.

Капитан прислушался, коммуникатор безмолвно подсказал – помещение чисто.

Следов глюка здесь нет.

Значит, разбойник спрятался на первом этаже.

Сне Гурка осторожно направился вниз, бесшумно спустился по винтовой лестнице, вжимаясь в стену и скользя неслышно. Маскировочный костюм успешно мимикрировал под примитивную обшивку жилища. Капитан просочился в приоткрытую дверь. У стены притаилась лежанка с ворохом мягких подголовников, яркие половики скрадывали шум шагов, хотя першение в горле угрожало рассекретить присутствие начальника галактического патруля. Он тихо откашлялся.

– Ну, что тут за распевание новогодних гимнов без нас?! – услышал грубоватый голос в соседнем помещении.

На дисплее сине-оранжевым пятном цвели следы глюка. Сне Гурка понял – беглец здесь, в этой самой комнате. Он пригляделся: галогеновый отсвет из шкафа, отпечаток пятипалой крохотной лапы на дверце. Неужели всё так просто?

Сгруппировавшись, он метнулся к противоположной стене, рывком распахнул дверцу. Там, сгорбившись и спрятав бледное лицо между острых коленок, сидела полусонная аборигенская девочка. Капитан деактивировал функцию маскировки костюма, выставил вперёд парализатор. Увидев капитана, она широко распахнула глаза, а из округлившегося рта был готов вырваться крик, но застрял в тонком щедедушном горле. Сне Гурка направил на девочку пластинку-сканер. Тот пискнул, мгновенно сообщив капитану: перед ним нелегал, глюк Дет Моесс собственной персоной, хотя и в режиме трансформации.

– Ни с места, – прошептал капитан, – именем галактической полиции вы арестованы и будете препровождены для отбывания наказания.

– А мы праздновать собираемся с бабушкой, – приглушенный детский голос из соседней комнаты.

Рот глюка скривился, глаза стали ещё больше, словно подлец собирался трансформироваться прямо здесь, на глазах у капитана Сне Гурки. Тот предостерегающе выставил вперёд руку, вооружённую парализатором.

Торопливые шаги за полуприкрытой дверью. Капитан понял – медлить нельзя, иначе они могут быть рассекречены, значит, придётся делать зачистку и потратить на неё остаток ночи. И это ляжет пятном на его безупречный послужной список.

Выплеснув на глюка парализующее поле, он подхватил остолбеневшее создание и рванул к ближайшему выходу – им оказалось окно. Бросок, переворот, и вот прозрачные осколки оседают за спиной, формируясь в управляемое облако. Зырк и Зуяба уже подоспели на помощь, организовывая прикрытие. Ещё одна струя мимикрида – и стекольное облако, покружив у стены, мягко втянулось внутрь дома и встало в пазы деревянной рамы, будто и не разбивалось никогда.

– Быстрее! – скомандовал капитан, бросаясь к посадочным модулям. Зуяба торопливо заметал следы, смахивая дорожку в белой, искрящейся в лунном свете пыли.

К окну дома прильнуло узкое лицо, ладонь легла на только что спаянное стекло в поисках хоть одной трещины или следа, и, не найдя их, удивлённо выглянуло во двор, вслед удаляющимся серебристым теням.

На крыльце, попыхивая сигареткой, замер мужчина. Его взгляд случайно упал на пролесок за домом. Там, между тёмных провалов заснеженных ёлок, мелькали неясные образы, а потом что-то вспыхнуло голубым, и в небо поднялись три серебристые, словно ёлочные шары, капсулы. Мелодично тренькнув, они взмыли вверх, оставив после себя радужные брызги.

***

– С Новым годом, с Новым годом! – подвизгивала Инга под бой курантов. – Mamочка, папочка, с Новым годом, – подбежала, обхватила родителей, притянула к себе, чмокнула горячими губами одного, потом другого. – Бабулечка, с Новым годом тебя, здоровья!

Андрей и Рита переглядывались. Вначале они решили, что дочь усердно изображает веселье и, помня о недавней истерике в машине, были ей благодарны. Да и бабушка ничего не замечала, а всё больше таяла от внучкиного внимания. Но хоровод в стиле благовоспитанной княжны с заламыванием рук и восторженными воплями вообще был не в духе их ребёнка.

В дверь постучали:

– Здоровья вам, – в дом, неловко потоптавшись в сених и сметая с валенок пушистые комья снега, заглянул мужичок в модном тулупе, который он, впрочем, совершенно по-деревенски подпоясал широким армейским ремнём. – С Новым годом, Марина-свет-Николавна, счастья, здоровья, благоденствия...

Бабушка смущённо улыбнулась:

– Проходите, Иван Иванович, гостем будете, всегда вам рада.

Мужичок обежал цепким взглядом присутствующих, остановился на украшенной деревянными игрушками ёлочке, вздохнул:

– Ёлочку-то какую знатную сообразили. Небось, из города везли, – Андрею показалось, в голосе старичка слышались удивление и разочарование. – А то я иду мимо, смотрю – ёлочка-то моя не наряженная на морозе притулилась, не нужна, видать, оказалась.

Бабушка всплеснула руками:

– Да что ж вы такое говорите, вот она, ваша ёлочка стоит, – она обернулась к сыну. – Верно ведь, Андрюша?

Тот пожал плечами:

– У поленицы две ёлки стояли, я взял одну, вторую оставил.

Иван Иванович расстроено вздохнул, присаживаясь за стол, примирительно прошептал:

– Да и не суть важно, из одной две стало или нет... Как хорошо, что к вам семейство ваше пожаловало, Марина Николавна. Семей-то оно всегда хорошо. А мои-то так и не выбрались, – старик сокрушённо покачал головой, вздохнул.

Инга погладила старика по морщинистой щеке:

– Не расстраивайтесь, они обязательно приедут. Завтра приедут.

Андрей и Рита переглянулись, брови изогнулись в недоумении.

– Инга, доченька, а ну-ка, пойдём со мной, – Андрей встал из-за стола, направился в спальню матери, тихонько поманил дочь пальцем. Рита выскользнула из комнаты вслед за ними, бесшумно притворив за собой дверь.

Сне Гурка расслабленно полулежал в навигаторском кресле, поглядывая за пойманным глюком: сразу после стыковки Зои посадил нелегала в камеру с галогеновыми излучателями. Но подлец ни в какую не сдавался и из образа темноволосой девочки-аборигенки выбираться не хотел. Только громко икал и лупал глазами-блюдцами.

– Кодировка стабильная, принудительной трансформации на малом излучении не поддается, – сообщил Зои.

– Так увеличь излучение, что нам с ним, до границы сектора возиться? – устало прошепестел капитан, переключая скорость патрульного крейсера. Сине-голубой диск временного пристанища беглого глюка быстро уменьшался на обзорном экране.

Дет Моесс нервно сглотнул и икнул, глядя на удаляющуюся планету.

– Вы кто? – наконец, спросил он, оглядываясь. Бедолага, кажется, только сейчас стал понимать, что оказался пойман галактической полицией.

Зои недовольно пробасил:

– Экипаж галактического патруля «Приожа». А ты кто, помнишь?

– Инга, Савельева, – глюк опять сглотнул и испуганно уставился на квадратноголового Зои: – Правда, галактический? Вы существуете?

Тот замер, уставившись на данные дисплея, который держал перед собой, недовольно хмыкнул, нахмурился:

– Капитан, слышали? Глюк идёт в отказ. Прикажете активировать гриоскоп и внедриться в структуру полей?

Глюк забеспокоился, подскочил к прозрачной стенке капсулы, прильнул узкими ладошками.

– Не надо куда внедряться! – глюк в панике отскочил к дальней стене камеры, выставил вперёд тонкие ручки. «Хорошо играет, подлец», – невольно восхитился капитан. Крохотная капелька сомнения закралась в сердце, шевелилась в груди, царапалась, словно когти новорождённого скварра. – Приступайте, – капитан подошёл ближе, присмотрелся.

Страшная догадка заставила похолодеть. Глюк при задержании не оказал никакого сопротивления. Действовал, словно во сне.

«Что, если...»

Капитан взял из рук квадратноголового Зои планшет, набрал кодировку глюка и активировал программу принудительной трансформации.

Серебристая решётка над головой задержанного окрасилась синим, по ней пробежала волна электрических микроразрядов.

Глаза глюка распахнулись ещё больше, став словно два больших блюда.

– Не надо, – повторили потрескавшиеся губы. – Мама!

Контрабандист прижал руки к груди и заплакал. Тонкие ручки прижались ко рту, в глазах застыла мольба.

Капитан затаил дыхание.

Синее искрящееся облако опустилось из распахнутых сопел в верхней части капсулы, окутало фигурку глюка, уплотнилось.

– Кодировка нестабильная, – констатировал Зои, – семёрка не доминирует. Странно.

Капитан приблизился к прозрачной стенке капсулы, прижал вспотевший лоб к прохладной поверхности. Внутри матового кокона проскакивали электрические разряды. Магнитное поле неровно выхватывало отблески тонких рук с растопыренными от удивления пальцами, вставшие дыбом косички.

Глюк не проявлялся. Капитан Сне Гурка тоскливо скривился, вглядываясь в рассеивающиеся синеватые клубы, в которых, будто взъерошенный птенец, замерла человеческая девочка. Посмотрев по сторонам и не увидев новой порции синего вещества, она выдохнула и тут же зашлась сухим надсадным кашлем.

– У меня, между прочим, астма, мне вот это всё вредно, – хрипела девочка. – Я маме скажу.

Она опустилась на пол капсулы, вытянула тощие ноги в ажурных колготках и малиновых туфельках, прикрыла глаза.

Зои озадаченно просматривал данные на планшете.

– Капитан, гриоскоп очистил структуру полей, кодировка семь не установлена, – тихо констатировал он. – Я не знаю, как такое возможно, но это – не глюк.

Капитан с жалостью смотрел на испуганную аборигенскую девочку: тёмные косички торчали в стороны, аккуратная юбочка измялась, ажурные колготки сморщились. Бледное личико в потёках слёз.

– И без тебя вижу, – он схватился за голову. – Все двигатели полный назад.

– А ну, признавайся, ты чего задумала? – Андрей внимательно вглядывался в лицо дочери, с каждой минутой все отчётливее понимая, что перед ним – не Инга: цвет волос слишком тёмный, глаза серые, но другого оттенка, овал лица похож, но не тот. И пахнет от неё иначе. И говорит иначе. И смотрит, двигается не так! В груди стало холодно и колко: если эта девочка

так похожа на его дочь, то где его ребёнок? Замеченные в лесу тени подсказывали страшное. Он тряхнул фальшивую Ингу за плечи: – Говори, где моя дочь!

Крик возымел странное, буквально магическое действие: «Инга» будто бы поплыла, оплавилась, как восковая свеча. Косички, клетчатое платице, распахнутые от удивления глазницы растаяли как морок, оставив вместо себя низкорослого толстого человечка с белыми волосами ниже плеч, в карминно-красном обтягивающем комбинезоне и здоровых ботинках на толстой серебристой подошве.

Рита вцепилась в плечо мужа, жалобно пискнула.

– Вы кто? – прохрипел Андрей, преграждая путь бросившемуся было к окну человечку.

– Дет Моесс! – гордо бросил тот. – Я не понимаю, как вы меня рассекретили. Я копировал все шаблоны поведения, доступные в вашей информационной сети. Я пел нелогичные песни, я изображал радость при виде лохматого растения, увешанного блестками и огнями, я...

Он поперхнулся, закашлялся в кулак. Рита и Андрей переглянулись:

– Дед Мороз?! – недоверчиво повторили они.

Человечек оскорбился, поджал тонкие губы:

– Не знаю, с чего вы решили, что можно коверкать имя честного кризианского глюка! – он воровато огляделся. – Впрочем, у меня нет ни малейшего желания выяснять отношения. У меня, знаете ли, дела.

Андрей понимающе кивнул:

– Ага, подарки детям разносить и под ёлочкой оставлять?

Назвавшийся глюком, недовольно нахмурился, прислушался.

– Можно и так сказать, – отстранённо отозвался он и испуганно присел на корточки: в окно, рассыпая стекло в мелкую крошку, лезло существо, смотреть на которое без содрогания не удавалось. Огромный детина с квадратной, наголо бритой головой, необъятными, размером с футбольный мяч, кулаками. Серебристая трубочка, которую он направил на присутствующих, смотрелась детской погремушкой. Однако больше Андрея и Риту поразило не это, а то, что за громиллой, изумлённо ощупывая пустую раму, лезла их дочь. Вернее, существо, как две капли воды на неё похожее.

– Инга, – прошептала Рита и схватилась за сердце.

– Ещё одна, – прошептал Андрей и прислонился к стене.

– Прошу всех сохранять спокойствие, – в окно влез ещё один мужчина средних лет в серебристом комбинезоне с чёрным овальным шевроном на рукаве. – Капитан Сне Гурка, галактическая полиция, – тихо представился он.

Толстенький человечек у стены жалобно пискнул, втянул голову в шею.

Рита и Андрей переглянулись:

– Сне Гурка... Это что, шутка? – не выдержал Андрей. – Нас снимает скрытая камера? Это программа «Розыгрыш»? Кто заказчик? Иван Дмитрич из бухгалтерии? – сыпал он вопросами.

Капитан пожал плечами в недоумении:

– Не понимаю, о чём вы говорите. На вашей территории обнаружен беглый преступник, контрабандист по имени Дет Моесс, который отбывал наказание в тюрьме Калипсо, но сумел бежать. – Человечек в красном хотел возразить, но капитан посмотрел на него с такой строгостью, что тот сразу сник, потускнел. – В результате ошибки, вызванной действиями глюка Моесса, патруль, направленный на задержание преступника, схватил вашу дочь...

– Ах! – Ритка вцепилась в пуговицу на блузке.

– Мам, все нормально, у них на корабле так прикольно. И я смотрела, как удаляется наша Земля, она, оказывается, на большой кривой булыжник похожа. Вот в школе расскажу. Никто ж не поверит! – затараторила Инга, дёрнула за рукав капитана: – Я уже могу к маме с папой идти? А то у нас праздник, Новый год.

Капитан кивнул. Инга бросилась к Андрею.

– А вас, глюк Дет Моесс, я задерживаю для препровождения на Калипсо. Вам надлежит последовать за мной.

Красный человечек неохотно поднялся с пола, отряхнул колени.

– А с ним всё будет нормально? – запереживала Инга. – Попасть на Новый год в тюрьму, это же совсем скучно и неинтересно.

Сне Гурка сердито посмотрел на неё:

– Ничего, он уже привык, – капитан обратился к Андрею и Рите: – Есть ли у вас претензии к галактическому патрулю?

Андрей растерялся, потом качнул головой. Капитан удовлетворённо выдохнул:

– Хорошо. Согласно протоколу, я должен произвести зачистку территории...

– Я возражаю! – сообразил Андрей. – Зачистка территории вызовет с моей стороны недовольство действиями галактического патруля и претензии.

Капитан задумался. Острые уши с чёрными кисточками на концах дёрнулись. Андрей выпрямился, прижимая к себе жену и дочь. Из комнаты доносилось пение мамы и Ивана Ивановича. Хоть кому-то удалось отпраздновать этот Новый год как положено.

– Хорошо. Во избежание разрастания галактического конфликта принимаю ваши возражения относительно зачистки территории. Всего вам доброго, – капитан Сне Гурка решительно направился к глюку, на руках контрабандиста мелькнули наручники.

– Стойте! – Инга метнулась к нему. – А сколько тебе ещё отбывать осталось?

– В твоём летоисчислении три года, – прищурился глюк. – Если за побег больше не впают.

Он вздохнул и жалобно посмотрел на капитана.

– А как освободишься, прилетай к нам, а? В Новый год. Прилетишь? Нам ведь столько всего надо выяснить, – девочка растерянно оглянулась на родителей: – например, отчего ваши имена нам так знакомы, но произносим мы их неверно. И почему ваши капсулы похожи на ёлочные шары, или наши ёлочные шары – на ваши капсулы. В этом же точно есть какая-то загадка!

Глаза девочки горели.

Дет Моесс с сомнением пожал плечами. Инга не унималась.

– И вы, товарищ капитан, и ты, Зуяба, прилетайте к нам, а? Вы ведь всё равно патрулируете нашу Солнечную систему и скучаете там, на орбите.

Капитан усмехнулся уголком рта: это аборигенская девочка определённо напрашивается выведать галактические тайны. А, может, даже уговорить его махнуть на Юпитер или сунуть нос в соседний сектор. Хватит уже того, что после очистки воздействием гриоскопа эта землянка или искриться станет как лампочка, или летать. Изменение структуры полей на примитивных расах исследовано плохо, и осложнения могут быть всякими. Хвала галактике, когда это выяснится, они уже будут далеко, и взрослые аборигены не смогут на них пожаловаться.

Капитан вздохнул, давая в груди нехорошее предчувствие.

– Прилечу, а что? – неожиданно согласился нелегал. – И научу тебя делать пузыри из гало-массы. И правильно произносить моё имя.

Серебристые, словно ёлочные игрушки, шары стремительно поднимались ввысь, выше дыма печных труб, выше облаков, к меркнувшим на рассвете звёздам. Инга знала: там, на геостационарной орбите, замер в ожидании экипажа патрульный катер, ворчун-Зырк следит за передвижениями команды, заносит в бортовой журнал данные о перемещении. А металлический голос искина сообщает ему данные внешних визиров.

На борту патрульного катера продолжается жизнь, о которой она, Инга, никогда бы не узнала, не наступил эта новогодняя ночь.

Девочка подняла лицо к мигающим звёздам, вздохнула.

– Они же обещали вернуться, – постарался утешить её отец.

– Знаю. Но это так невероятно. Никто-никто не поверит. Даже бабушка, – она посмотрела на родителей. – Там, на их космическом корабле, капитан Сне Гурка пытался заставить меня стать глюком. Внутри синего облака было душно, пахло лесом и дождём.

– Напугалась? – Рита привлекла дочь к себе, обняла.

Инга кивнула:

– Зато я теперь умею вот так, – девочка протянула руку ладонью вверх и выдохнула.

Белёсый парок вихрем закрутился вокруг запястья и замер, медленно кристаллизуясь и превращаясь в снежинку размером с теннисный мячик.

Андрей и Рита остолбенели. А снежинка налилась лилово-красным, разгораясь в ладонях дочери ярким огнём. Инга подбросила её вверх, позволив обернуться стайкой быстрокрылых бабочек, в мгновение ока подхваченных ветром и улетевших к облакам.

Инга мечтательно улыбнулась, выискивая среди звёзд ту единственную, которая сейчас скроется в галактическом переходе.

– Чудеса, правда? – мечтательно проговорила она. – Я теперь немного волшебница. Хотя я не знаю, куда это применить.

Наталья и Алексей Ладос

Ах, мой милый Августин

*Ах, мой желанный Августин, слаще всех сладостей,
Горше всех горестей вымысел мой...*¹

1

«Он мне пуговицу оторвал, сволочь!» – орала Марта ветру, пыталась возмущением загнать глубже другой крик, да не крик – вой. Если ж вырвется – до ливня из глаз, до полного затопления Мартиной жизни, до захлебнуться – навсегда.

Пальто намокло, пахло поцелуями и духами, тянуло к земле. Сквозило там, где оторванная пуговица оставила пробоину и короткую нитку, – у сердца. Вот бы упасть как эта стекляшка – крек! – и больше ничего не чувствовать.

Марта брела по городу. Петербург оставлял седые следы снега на черном бархате пальто, губил неуличные туфельки, лез за пазуху мёртвыми пальцами ветра. Она думала о чём угодно, но только не о катастрофе, что наступила внезапно, как и положено порядочным и очень обязательным катастрофам. Как вот в период денежного благоденствия купила сразу три чёрных пальто, надеялась, что их футлярность, тёмная стильность никогда не выйдут из моды. Не ошиблась. Не вышли. И ничего не вышло...

«Зачем я вышла? – вновь и вновь твердила себе Марта. – Не вышла, ничего бы и не было. Нет!»

И снова с болью летела, катилась по заснеженному асфальту пуля-пуговка – от неё, в неё. Болталась крепкая раньше нитка – теперь кургузая, неживая, а оборвать не было сил...

Угораздило же родиться тридцатого декабря!

Друзья с удовольствием отвлекались от хлопот, традиционно считая Мартин день рождения началом новогодних гуляний. Сегодня праздновали сорокалетие. Есть примета – не отмечать эту дату, не к добру. Марта в приметы не верила, а потому заказала ужин в кафе на всю небольшую труппу маленького театра, где она была примой долгое-долгое время. И, что бы там ни говорили злые языки, хорошей примой, а не просто любовницей режиссёра. В театре – Мишель, а в жизни – Миша Вознесенский носил приму на руках, все в театре знали, что это любовь и что будет когда-нибудь ещё один праздник – свадьба.

В полумраке кафе блестели разноцветные шарики, мигали гирлянды на ёлке, колыхались завесы серебряного «дождика».

В маленьком фойе, куда Марта вышла подышать свежим воздухом, Мишель целовался с Наташей Шевельковой, у которой опыта театральной жизни – разве что дипломный спектакль после училища.

Какие-то дурацкие мысли понеслись в голове: надо же, целуются! Весь Петербург grip-пует, чихает и кашляет, а они...

Нет, Марта не устроила скандала, молча натянула чёрное пальто, шагнула в вертушку двери и замерла, почувствовав на плече тяжёлую мужскую руку. Она ждала чего угодно: слов о прощении, негодования, даже мата и брани, но только не того, что прозвучало.

---

¹ Стихи-интерпретация Ольги Залесской

– Ты же знаешь, что твой срок вышел, – говорил Мишель, не подбирая выражений, – ты старая уже, морщины замазываешь, а мне нужны молодые кадры. Роль венской проститутки – это для тебя нормально, дальше придется уступить.

Марта слушала брызгающего слюной Мишеля и не понимала – при чём тут это? Новая постановка об Августине – певце-пьянчуге, который умудрился выжить во время страшной чумы в средневековой Вене. В пьесе не было прекрасных дам – главных героинь, а она... она рада сыграть кого угодно, хотя бы и проститутку.

– Я тебе больше не нужна? – только и спросила Марта, кутаясь в чёрное пальто.

– Да погоди ты, ну чего? – Мишель вцепился в пуговицу, крутанул. – Думаешь, я тебя оставляю? Мне Наташка до фонаря, лишь бы сыграла хорошо в новом спектакле. Я тут задумал...

– Что-то я не помню, чтобы ты меня в свое время так мотивировал – поцелуями, – прервала Марта, вырвалась, оставляя пуговицу в жёстких руках.

Он не остановил.

Снег умело маскировал слёзы, которые катились и катились. Марта знала, что Миша прав, что в сорок лет не сыграть блестяще ни Джульетты, ни Офелии, но разве при этом обязательна смена любви?!

И теперь она брела по ночному городу, перебирая, как бусинки, бывшие сигналы. Догадывалась же обо всём! Закрывала глаза, надеялась на то, что мимолетные увлечения Мишеля испарятся, пропустила самое главное – любовь кончилась.

Марта свернула в арку, как всегда, ощутив страх нескольких метров пути и вечный холод, что царил здесь даже в жаркую погоду. Вынырнула в тёмный квадрат двора, побрела мимо качелей, мимо стоянки машин, мимо помойки.

Стон донёсся неожиданно – тихий, протяжный. Марта и не поняла сначала – что это? То ли ветер в кронах деревьев, то ли дребезжит проволока для сушки белья на чьём-то окне.

Марта сделала ещё шаг и поняла, что стон со стороны бетонного квадрата, на котором в ряд стояли железные контейнеры для мусора. Она включила фонарик на телефоне, осветила.

Бомж у контейнера слабо шевелился, пьяно мычал и пытался встать на коленки. Значит, соображает, значит, не обморозится, уйдёт.

Марта выключила телефон, прошмыгнула мимо контейнеров. Остановилась. Что-то было не так. Неправильно. Она обернулась – вот что! Шею бомжа окутывал широкий шарф, такой белый, что белизною затмевал снег. У пьянчуги-то?

Марта подошла ближе, склонилась:

– Что с вами? Вам плохо?

Молодой совсем парень, пальто как у неё – чёрное, только мужское. Шапки нет, длинные, до плеч, волосы намокли под снегом, облепили голову. Алкоголем от бомжа не пахло. Он промычал что-то, застыл, словно подошедший человек гарантировал помощь.

Марта дотронулась ладонью до его лба, отёрнула – парень пылал, жаркие волны температуры обожгли пальцы. Она схватилась за телефон – Скорую вызвать, задумалась: грипп в городе, врачи с ног сбиваются, пока приедут...

Мужчина лежал в коридоре Мартиной однушки и не шевелился. Не такой уж и юный, кстати, лет тридцати, а то и с небольшим. Она перевела дыхание, растёрла онемевшее плечо. С трудом дотащила, тяжёлый. Не потому что сам такой, кашемировое пальто мокрое. Хорошо, сосед помог и, слава богу, не спросил – кто это.

Снять бы с него пальто чёртово! Марта справилась, ахнула – рубашку и джинсы помощного найдёныша тоже хоть выжимай. Долой! Благо, раздевать неподвижных она научилась ещё студенткой. Мама работала, а Марта выхаживала парализованного после инсульта отца. Парень что-то промычал, но глаз не открыл.

Марта подхватила его под мышки, заволокла в комнату. Плавки оставили мокрый след на паркете. Он, что, в Неве купался? Она опрокинула парня спиной на не сложенный с утра диван, решительно стянула с него носки и трусы, перетащила головой на подушку, укрыла простынёй.

«Ну вот, прилично выглядит, – оглядела Марта находку, – теперь можно и Скорую помощь вызвать». Она потянулась к телефону и чуть не выронила его. «Доченька, с днём рождения! Ты где? Дозвониться не могу. У тебя всё в порядке?» – проорало голосовое сообщение. «Всё хорошо, я позвоню позже», – быстро ответила Марта и, вместо того чтобы набрать Скорую, опустила руку с телефоном.

Парень наконец-то открыл глаза.

Симпатичная находка, усмехнулась Марта. Чёрные волосы подсохли, заволнились, глаза зелёные, как молодой крыжовник, кожа смуглая от природы – эдакий испанский гранд. Правда, не в её вкусе, слишком уж по-детски пухлые губы с трещинкой на верхней, и подбородок слабо очерчен, безвольный. Фигура красивая, это да – высокий, стройный, бёдра такие... и между ними не фитиулька. Марта, хоть и стягивала с него трусы впопыхах, разглядеть успела.

«Гранд» прошептал что-то и снова отключился.

Так... звонить в Скорую... Марта положила телефон на журнальный столик. А нужно ли? Ну, что, она сама не справится?

Себе самой врала Марта. Справится, конечно, но врачей вызывать не хотелось совсем по другой причине. Она поймала себя на мысли, что уже почти час не думает о Мишеле, кобеле проклятом, сама виновата – закрывала глаза на его шашни с другими актрисами, не слушала сплетен. Да ведь и в ней что-то надломилось, прошло, словно долго-долго ждала автобуса на остановке, а он так и не пришёл. Новогодняя мишура Петербурга, снег, ветер, оторванная пуговица – все это лишь мизансцена с главной героиней – Мартой. Привыкла играть. Ох, неужели с театром придется распрощаться? Доигрывать старые спектакли и понимать, что в новых мало что светит? Сейчас уже, в «Августине...», второстепенная роль. Правда, и Наташе там ничего не досталось. Потом, всё потом... Переключиться... Парня лечить нужно!

Марта перевела взгляд: симпатяга в горячечном сне разметался, скинул простыню до пояса, на груди крестик на тонкой цепочке поднимался и опускался от неровного дыхания. Представилось ей, что это... пусть будет муж, Августин – а что? Вот достали его из ямы, куда складывали умерших от чумы, привели пьяного домой, плохо ему, а она расселась в кресле думы думать!

Марта вскочила, развела в воде нужную таблетку, с трудом напоила больного, укутала пледом поверх простыни. С минуту смотрела, как он спит, потом спохватилась, пошла в коридор, где на полу всё ещё валялось мокрое пальто. Жалко, пропадёт. Кашемир – ткань капризная.

Марта стянула деньгожденные тряпки, смыла косметику. Рыжие волосы, завитые к празднику, распрямились от снега и ветра, внешние уголки больших серых глаз прочертились лучиками морщинок, а вот губы ещё хороши – сочные, яркие без помады. И всё же Михаил прав. Ну год ещё, два... всё равно придётся перейти в другую категорию, играть другие роли – вечно молодой не останешься. Она вздохнула, накинула халатик на голое тело и принялась за работу.

Вскоре вычищенное пальто с тщательно расправленными воротником, рукавами сушилось на вешалке. Марта вытащила из кармана размокшую пачку сигарет, странно – ни бумажника с документами, ни ключей. Разбитый дорогой мобильник оказался в кармане джинсов, там же скомканные деньги – пяти тысячные вперемешку с долларами. Новый телефон придётся покупать – вошла Марта в роль ворчливой экономной жены, бросила одежду в стиралку, подтерла пол в коридоре и только после этого заглянула в комнату.

Температура у «мужа» не снизилась – ладонь снова обожгло. Мужчина сбросил и плед, и простыню, его било в ознобе. Плохо. Не пневмония ли? Марта присела на диван, наклонилась, прижала ухо к его груди. Хрипов не слышно, что ж с ним такое?

*И не скоро, Августин, Августин, Августин,
Ах, мой милый Августин, все пройдет, все...*

Она не сразу поняла, что её обнимают так, что не вырваться, да и не хотелось почему-то – вырваться. Марта подтянула ноги, легла рядом, повернулась, чтобы видеть его лицо. Где-то она читала, что можно вот так – своим телом – снять озноб, забрать боль.

Крыжовниковый взгляд серьёзен, брови сошлись в беспокойном недоумении, между ними пролегла глубокая складка, – парень смотрел так, словно старался свести воедино, в знакомую картину, чужую квартиру, диван, наряженную ёлку в углу, собственную обнажённость. Он зашептал что-то, но голос сорвался в хрип.

Марта догадалась, неловко повернулась в его руках:

– Тише, молчи. Ты болен, но ты дома, всё хорошо.

Халатик некстати распахнулся. Парень закрыл глаза, как будто перестал бороться с непониманием, и кошмарный сон отступил, прогнанный ласковым нежным голосом. Губы изогнулись в счастливой улыбке, он прижал её крепче, уткнулся в изгиб шеи, и Марта почувствовала, что температура ничему не помеха.

«Ну ты даёшь, мать!» – сказала себе самой Марта, прежде чем погрузиться в удовольствие, противоречащее всем нормам приличия. И наслаждение.

Да какое наслаждение! Не то, ожидаемое – нормированное, короткое, а воздающее, возвышенное, мгновенно освободившее от внешних обстоятельств, обязательств, привычных привязанностей и действий. Когда естественное желание, подавленное чем-то или управляемое кем-то, вспыхнуло по собственной воле, вернуло Марте ощущение себя, и ничего нет на свете нормальнее.

Конечно, обо всём этом Марта подумала позже.

Они очнулись одновременно. К неожиданному любовнику вернулась беспокойство, но теперь другого рода, словно он чего-то боялся.

«Н-не уходи», – попытался сказать парень, приподнялся на локте, чёрные волосы закрыли лоб.

Марта снова не расслышала – угадала, остановила:

– Не надо. У тебя горло болит. При такой ангине просто так температуру не собьёшь, да и отек нужно снять. – Она вскочила с дивана, понеслась по комнате, полы халата захлопали крыльями, ноги не касались паркета. – Пить хочешь?

Он кивнул.

– Лежи, не вставай. – Марта на лету оделась, вытащила из шкафа чёрное пальто – второе из трёх – с целыми пуговицами. – Я в аптеку сбегаю, здесь на углу есть ночная. Я быстро. А ты лежи!

Марта обернулась, увидела в его восторженным взгляде себя вот такой – птицей – лёгкой, свободной, счастливой. Это в сердце, а в голове вихрились пузырьки новогоднего шампанского, которое Марта терпеть не могла, пьянили.

В тёмноте парадной пришло отрезвление. «Ничего себе приключение, – подумала Марта, пожалала плечами: – Ну и к чёрту. Пусть».

Она натянула перчатки, полетела вниз, нарушая ночную тишину цоканьем каблучков. Одна за другой вспыхивали лампочки с датчиками движения. В тусклом свете промелькнула тень.

– Крыса! – взвизгнула Марта. В старом доме чего только не водилось. По горячей ещё спине побежали цепкие холодные лапки страха. Она метнулась к входной двери, нашарила кнопку и на секунду ослепла, вывалившись в белый от снега мир.

В колодце двора кружились снежные хлопья, заливая всё молочным светом. Ни одно окошко не горело, только далеко, у самого выхода на проспект скрипел на ветру фонарь с толстой свечой внутри. Откуда он здесь?

Марта огляделась: это был не её город, вообще не Петербург.

Высотки потеряли этажи, на крышах появились остроконечные башенки с окнами-розетками. Другие окна в резных рамах вытянулись, будто язычками пламени, в узоры забился снег, некоторые же, наоборот, сплющились у самой земли.

Вместо железной домофонной двери парадной была теперь утонувшая в стрельчатой арке деревянная, с массивной ручкой-кольцом. Из-под двери несло почему-то кровью и нужником. Во двореке на месте контейнеров стояла перекошенная телега с огромными колёсами, чернели в снегу кучи какого-то хлама.

Дежавю! Давным-давно Марта ездила в Вену, сейчас Вена пришла сама, но не современная, средневековая, – догадалась она, почему-то не удивляясь переменам.

Свеча в фонаре у выхода трепетала от ветра, но не гасла. Марта пересекла двор и вышла на проспект. Да не на проспект. Это же Грабен, подсказала память, улица, больше похожая на вытянутую площадь. Вот и в центре знакомая колонна, только не та, богато украшенная ангелами, которую когда-то видела Марта, а деревянная и, кажется, ещё недостроенная. Какой же сейчас год и... век?

Марта охнула, прижала ладони к пылающим щекам. Это же чумная колонна, значит... кого она нашла? Человека, заражённого бубонной чумой? Певца Августина, пьянчугу, который чудом выжил? Откуда-то она знала, что ее найденыш именно отсюда – из средневековой Вены, а не из Петербурга двадцать первого века. Но ведь у него ангина, а не чума, а вдруг...

Вынырнули из-за угла дроги, заскользили по снегу мимо неё.

– Приблуда... шляется по ночам... – просипел голос возницы. Резко пахнуло пряными травами.

Марта слышала чужой язык, но понимала его, смотрела заворуженно на лицо в маске с огромным клювом, на свисающие с настила, синие в ночи руки и ноги, на головы с растрёпанными волосами в сосульках, с искажёнными до нечеловечности чертами. Очнулась только тогда, когда возница и его страшный мёртвый груз скрылись за поворотом.

Как же это? Чума! Смерть...

Она опомнилась, обогнула площадь, нашла то место, где в Петербурге была ночная аптека.

В незамысловатом витраже окна приземистого дома светился огонёк. Здесь не спали! Здесь она найдёт нужное лекарство, в каком бы веке всё ни происходило! Рядом трактир – поняла Марта по кованой решетке над дверью, изображающей толстяка с кружкой. Оттуда слышались крики и всхлипы пополам со смехом.

Доктор, видимо, только что пришёл от больного. Он всё ещё был в длинном тёмном одеянии с фартуком поверх в жёлтых пятнах, забрызганном кровью. На голове шляпа с широкими полями, на груди на серебряной цепочке болтался медальон-шкатулка от которого, как и от «клюва» возницы, исходил острый запах травы. Поммандер – откуда-то Марта знала, как медальон называется. Точно – врач!

– Не носишь маску? Смелая девочка, – проворчал доктор, – да толку с неё, ничего уже нам не поможет, я вот сегодня двадцати двум глаза закрыл, и такие, как ты, среди них тоже были – молодые, красивые... – он медленно стянул перчатки, – и молитвы не помогают. Зачем пришла?! – каркнул сердито, насупив седые брови.

– Мне... мне лекарство нужно. Не чума, у... мужа... температура, но это не чума, – пролепетала Марта.

– Как же, не чума, под глазами чёрные пятна есть? Кашель с кровью?

– Нет!

– Ну так будут, и не надейся, – буркнул доктор. – Муж, говоришь? Он оглядел её с ног до головы, покачал головой.

– Мне бы лекарства, – повторила Марта. Голос дрожал, из глаз вот-вот готовы были пролиться слёзы. – Но мне заплатить нечем. Вот! – Она сняла золотые серёжки с маленькими бриллиантами, давным-давно, в другой жизни, подаренные Мишелем. – Возьмёте?

– Что я тебе могу дать, девочка? Разве что... – он снял с полки пузатый флакончик синего стекла, сунул в руки, – иди с богом и молись, дочка.

Марта вышла под снег, который всё не унимался, напротив, сыпал сильнее, заволакивая ночь молочной пеленой.

У двери трактира копошились трое пьянчуг, двое поднимали совершенно не стоящего на ногах приятеля.

– О, красotka, – обернулся один из них. – Пойдём с нами, шлюха!

Второй тоже уставился на Марту, растянул мокрые губы в ухмылке, между щербатыми зубами как будто скользнул ветер:

– Не пожалеешь, рыжая, полный карман монет. Нынче ничего не жалко! – он сделал шаг, поскользнулся и упал.

Марта не стала дожидаться, пока пьянчужка поднимется, побежала к далёкому проулку в свой дворик-колодец, нырнула в темноту проема, пролетела к дому, совсем запыхавшись, потянула двери за тяжёлое железное кольцо и оказалась... в родной парадной.

Она стала медленно подниматься по лестнице, лампы откликнулись на движение, засияли. Марта сунул руку в карман, вытащила вместо флакончика две коробки и пластину с таблетками – современными, фыркнула.

Надо же, как сыграла! Лучше, чем на сцене. Сама чуть не поверила, что на улице средневековая чумная Вена, и за персонажей отработала: сонный провизор до сих пор, наверное, удивляется её жалобному тону, а сердце до сих пор колотится от встречи с подвыпившие питерскими парнями, которые, видимо, начали праздновать Новый год задолго до его наступления. Марта дотронулась до мочек – серёжки исчезли. Правильно, она их и не надевала.

Она махнула рукой, пошла быстрее. Как там её Августин с изумрудными глазами? Как там её странная новогодняя сказка?

Незапертая дверь отворилась бесшумно. Растяпа какая, забыла закрыть! Марта тихонечко стянула сапожки, пальто. Пуговица крекнула и упала на коврик. Марта усмехнулась, прошла на цыпочках через широкий коридор, заглянула в комнату.

Его там не было – Августина.

Куда он делся? И в кухне нет, и в ванной комнате. На стиралке лежал разбитый телефон, а деньги пропали, и джинсы с рубашкой, и пальто с вешалки.

Марта вернулась в комнату, бездумно села в кресло. Воздушное волшебное ощущение бытия исчезло, как будто никогда и не появлялось, не было пока и отчаяния.

Существовал ли вообще этот парень? Ну вот же – аккуратно застеленный пледом диван, смятая подушка, стакан с водой на столике. Сбежал, значит.

И тут она расплакалась, всхлипывая и повторяя «сбежал, сбежал», и почему-то это бегство казалось ей страшнее предательства Мишеля, которого она любила много лет.

Щёки горели от стыда за себя – сумасшедшая, дура какая! – от того, как с нею поступили: жестоко, некрасиво. Нельзя так! «Нельзя же так с живым человеком», – причитала Марта, раскачиваясь в кресле, до синяков сжимая плечи скрещенными руками. Горше и жальче всего

было чувство невыносимой потери не «Августина», нет, а собственной лёгкости, крылатости, подаренной незнакомцем, спасшей её в эту предновогоднюю ночь, в её сорокалетие.

Слёзы не кончались, текли, горячие – жгли глаза, размывали мир до акварельных разноцветных пятен. Голова наливалась тяжёлой болью, в затылке гудело, словно по нему с размаху ударили кулаком. Марта машинально взяла градусник, сунула под мышку и вздрогнула, когда он запищал, взглянула равнодушно: температура за сорок. Хорошо, таблетки купила.

Громко, пронзительно заверещал мобильник.

«Мама! – крикнула Марта. – Не приезжай, мама, у меня грипп!» – и она выронила телефон из рук.

*Мой нереальный Августин, Августин, Августин,
Я жертва чьей-то жадности и слепоты...*

2

Гримёрка больше обычного завалена цветами. Ну два, три букета, а тут столько! Зрители откуда-то узнали, что у актрисы день рождения, и расстарались.

Голова кружилась от ароматов, но Марта с удовольствием разглядывала зимние розы – бордовые, кремовые, белые.

Как хорошо, что она не ушла из театра. Мишель неожиданно уехал, бросил труппу. Новому режиссеру не нравилась постановка «Августина...». Он хотел закрыть спектакль, Марта отговорила: как-то сразу нашла с ним общий язык, убедила, что главная история тут – как раз судьба женщины. Да, пусть проститутки, которая спасает своего возлюбленного. А что Августин? Весь спектакль его переносят с места на место – пьяного.

Марта наконец оставила цветы в покое, села за столик перед зеркалом, намочила эмульсией тампон и принялась снимать грим.

В гримёрку заглянула Наташа – та самая, её Мишель тоже бросил, а они без него неожиданно подружились.

– Смотри, Марточка, ещё целая корзина! Особенная, с подарками. Эх, жалко, что ты не хочешь праздновать день рождения, – прямая, открытая Наташа тактичностью не отличалась, – напились бы сейчас! – она потянулась всем телом так, что хрустнули косточки. – Слушай, год прошел, а как всё изменилась, – во взгляде отразилось радостное ожидание. – Я побегу?!

– Да, – кивнула Марта, она знала, что у Наташи появился поклонник, и, кажется, всё серьёзно.

В корзине три роскошных, дорогих зимой, да еще и перед Новым годом, букета: к одному приложена коробка конфет, к другому – шампанское, в третий просто воткнута визитка. Какой-то А. Майер, писатель. Не читала, не слышала даже.

Марта развернула записку из конфетного букета: «Мартышка, с днём рождения! Приезжай, соскучились, любим, Тим и Лада». Старые школьные друзья, надо же, дотянулись до неё, умницы!

А шампанское кто изволил прислать?

«С днём рождения», – и затейливый росчерк Миши Вознесенского.

Дверь гримерки скрипнула.

Марта подняла голову – вот и он собственной персоной, как всегда, франтом: модная стрижка подчёркивает благородную раннюю седину висков, стройная фигура затянута в стильную куртку, на шее нарочито небрежно болтается шёлковый шарф.

– Ты прекрасно выглядишь даже без грима! – всплеснул руками Мишель. – Весь спектакль любовался исключительно тобой. Отличная интерпретация, поздравляю!

Марта могла бы сыграть неприступную равнодушную леди, но, нет, теперь она играла только на сцене.

– Уходи, Миша, нам разговаривать не о чем, – Марта отвернулась к зеркалу.

– Да погоди ты, не гони, – он сдвинулся мгновенно, как проколотый воздушный шарик. В голосе прозвучали жалобные ноты. – Я чего пришёл... ребёнок, мальчик, он мой? Прости, я недавно совсем узнал, прилетел тотчас.

– Не твой, Миша, не беспокойся, – она затянула длинные рыжие волосы в хвост.

– А я и не беспокоюсь, наоборот, рад. Помнишь, мы с тобой мечтали...

– Мечтали с тобой, а ребёнок не от тебя, – спокойно сказала Марта. – Доказательства нужны? Так вспомни, ты два месяца до моего дня рождения Наташу окучивал, ночи проводил с другой, а мне врал, что у тебя творческое вдохновение. Сыну, – она усмехнулась, – три месяца будет через неделю, так что...

– Быстро ты, и как успела? – процедил Мишель сквозь зубы, пожевал губами, будто собирался сказать что-то гадкое, мерзкое, сдержался.

– Это уже не твоё дело, – Марта протянула букет: – Я не люблю шампанское, ты никогда этого не помнил. Иди, Миша, с богом, – и только тогда, когда за ним с силой захлопнулась дверь, она поняла, что переплетает волосы в третий раз.

Марта шла через запорошённый снегом садик, окружающий театр. Она не стала вызывать такси, после встречи с Мишелем захотелось прогуляться, вдохнуть свежего воздуха. Хорошо, что мама дома.

Марта думала не о нём – бывшем любимом человеке, а о его словах.

Когда успела... Только сейчас, через год, в свой день рождения, она удивилась тому, что, действительно, много чего успела.

Мама долго не соглашалась расстаться с городком у моря, где похоронен отец, приехала только тогда, когда у Марты начался поздний токсикоз – опасный, отнявший у неё возможность кормить сына грудью.

После родов она ни дня не сидела дома – не могла. Марта окунулась в театральную предновогоднюю жизнь, в которой уже не было Мишеля, с головой. Старые спектакли, новые задумки, роли любимые и не очень. Премьерный, с иголки, старый-новый «Августин...».

Удивительно, как быстро вернулись поклонники её таланта. Конечно, были среди них очень настойчивые, но Марта, обжёгшись на молоке, дула на воду.

– Подождите, пожалуйста! – мужской, низкий с хрипотцой голос оборвал воспоминания.

Марта обернулась и, даже если бы захотела сделать шаг, не смогла бы. Ноги стали ватными, сердце задрожало, забило о ребра. В свете фонарей и снега блестели чёрные волнистые волосы до плеч, крыжовниковые глаза...

Утраченная сбежавшая «сказка» стояла перед ней, пугала до слабости в коленях, как пугали её в детстве сказки Гауфа, особенно «Карлик Нос». Как будто и Марта очнулась сейчас, прожив в ведьминском замке долгий-долгий год ничего не помня, выпала из волшебного сна в страшную реальность, где нынешнего нет. Просто не может быть!

– Наконец-то я вас... тебя... нашел, – пухлый рот скривился в робкой осторожной улыбке.

Марта нашла в себе силы сдвинуться с места. Мужчина пошёл рядом, почти касаясь её локтем. Две тени на снегу под фонарями слились воедино, куда более обрадованные встрече.

«Рада за вас», – хотела съязвить Марта, но вырвались совсем другие слова:

– Разве после того как сбегает, ищут?

– Кто сбежал? Я?! – он забежал вперед, заглянул в лицо: – Вы с ума сошли, Марта! Как вы... ты... могла подумать такое? После всего...

– После чего? Секса? – она почему-то рассердилась. – Я и, правда, с ума сошла, тогда – не сейчас.

– После того как вы меня спасли, – знакомый незнакомец пятился до самого проспекта, а Марта наступала, желая, чтобы он упал. – Я же тогда болел, не забыли?

Сияющие огнями витрины, протянутые всюду гирлянды, огромные надувные Деда Морозы и Снегурки, гомонящие гуляющие люди, декабрьский пронизывающий ветер вернули Марте ощущение реальности, сердце перестало дрожать.

– Вы ушли, я помню, в аптеку, а я, – мужчина поднял воротник кашемирового пальто, сунул руки в карманы, заговорил тихо, так, что Марта еле слышала, – взял деньги и пошел за цветами. Хотел цветов – для вас... для тебя. Ты была птицей, и я летал вместе с тобой. – Он вытащил пачку, попытался закурить, но ветер выбил сигарету из пальцев. – Не поверишь, заблудился. Я же только-только приехал в Петербург, не знал города совершенно, а ваши дворы-колодцы такие одинаковые! Я искал... всю ночь искал, к утру свалился где-то на лавочку, и меня забрала сначала полиция, потом Скорая помощь.

– Почему ты был такой мокрый? – с чего-то спросила Марта.

– Ерунда, – он улыбнулся, – сидел в кафе с приятелями, почувствовал себя плохо, домой пошел, провалился куда-то в воду, даже не знаю куда, очнулся у тебя на диване.

Парень рассказывал что-то ещё: о том, как бродил по городу, заглядывая во все похожие дворы, как увидел Мартино лицо на афише, как смотрел спектакль и удивлялся совпадениям, – она почти не слышала. Мир вокруг неё словно собирался в витраж венского стрельчатого окна из разноцветных кусочков, рассыпанных в сознании, невыносимо колющих в минуты, когда она не занимала себя малышом, работой. Мир обретал полноту, цельность, ту законченность, какая бывает у радуги в летнем небе или вот в начавшемся непременно предновогоднем снегопаде.

Марта поймала на варежку снежинку, удивляясь её одинокому неповторимому совершенству, – оттягивала понимание, потому что оно было невыносимо простым и не совпадало с тем, с чем она жила весь этот год.

Они молча свернули в подворотню, прошли мимо машин, которые, недавно очищенные, покрывались белыми шапками, мимо контейнеров... В крыжовниковом взгляде замелькало узнавание.

– Нашёл, и ладно. Банально, но всё хорошо, что хорошо кончается. Сказки – тоже. Что же тебе теперь надо? – Марта остановилась у двери парадной.

– Летать, – сказал он снова так тихо, что она не расслышала, угадала. – Я сейчас лягу там, – парень серьезно кивнул в сторону мусорной площадки, – и буду ждать, когда ты меня опять спасёшь.

– Что же делать?

– Взять с собой. Единственное: ты можешь меня не тащить, я сам дойду до твоей квартиры...

В широкий коридор однушки вышла мама с сыном на руках.

– Не спит, чертёнок, тебя ждёт, – сказала она и осеклась, увидев чужака.

– Мы чаю попьём в кухне, недолго. Укачаешь? – Марта стянула пальто.

– Погодите, – парень вдруг сел на пятую точку, словно у него не осталось сил, расставил ноги, свесил руки с колен, подняв голову, разглядывал Мартино сына.

Маленький хохолок будущих буйных чёрных волос, младенческая голубизна глаз уже отливала зелёным...

Мама, в свою очередь, переводила взгляд с малыша на незнакомого мужчину удивлённо и испуганно одновременно.

Марта схватила парня за воротник, подняла и поволокла в кухню.

– Сиди здесь, я сейчас приду.

В комнате она бросилась к колыбельке, к малышу. Мама отстранила:

– Холодная же, с мороза!

– Ну хоть за пяточку подержать, соскучилась же.

– Я-то думала, Мишкин, – мама покачала головой, поджав губы то ли в осуждении, то ли в недоумении. – Где ты его нашла, дочка?

– Не поверишь, на помойке! – рассмеялась Марта. Она птицей пронеслась к шкафу, сняла платье, накинула халат. На мгновение ощущение полёта вызвало краску на щеках и воспоминания о словах «дура» и «шлюха», которыми Марта ругала себя в минуты отрешения от реальности. А теперь – она знала – это чувство никуда не денется, не исчезнет, даже если его виновник снова испарится, сбежит.

Куда там...

«Сказка» стояла у окна, сложив на груди руки. На лице до идиотизма счастливая улыбка.

«Он всё понял», – подумала Марта, и это казалось ей не странным, а правильным – волшебным, словно сложились, нет, не половинки, а три части одного целого.

– Кто же ты такой? – спохватилась она.

– Тебе не передали визитку?

– А. Майер, писатель – это ты?

– Да. Тридцать семь. Не женат.

– И как же тебя зовут, А. Майер?

Он почему-то покраснел, буркнул:

– Только не смейся. Я Август.

Марта секунду смотрела серьёзно на его насупленные брови, не выдержала, расхохоталась, зажимая рот обеими ладонями.

«Ну вот», – говорил крыжовниковый взгляд, только в нём же – глубоко – резвились бесенята.

– Август! Надо же! – хохотала Марта.

– Чего?

– Чудовищно! Наш сын – Глеб Августович, кошмар какой!

Он – Августин, Август, такой невыразимо нереальный петербургской зимой, такой солнечно-зеленоглазый, как летняя трава, – ринулся к ней, обнял. Марта смеялась, но от его горячих губ пробуждалось в ней чувство необъяснимого восторга – нового, как наступающий год.

За окном вспыхивали и осыпались золотыми звёздами первые новогодние фейерверки.

Ах, мой милый Августин, в горе и в радости,

И в трудах и в праздности буду с тобой...

Алексей Лад

Совладелец литературного сайта, пишу малую и большую разножанровую прозу, стихи, рецензии. Рассказы опубликованы в сборниках «Синяя книга» (2014, «Дятловы горы», НГ) «О любви» (2016, АСТ, Москва), «О бабушках и дедушках», (2018, АСТ, Москва), в сборнике рассказов «Голос пули», посвященном 100-летию А.И.Солженицына (2018, Перископ-Волга, Волгоград), подборка поэзии в сборнике стихов современных поэтов «Высоцкий 80», посвященном 80-летию В. С. Высоцкого (2018, Перископ-Волга, Волгоград). «Зачем тебе крылья, Икар» – в тройке победителей поэтического конкурса Интернационального союза писателей (апрель, 2017). «Война цветов» – дипломант международного поэтического конкурса «Большой финал», 2017-18. «Море, крабы, осьминоги» – победитель в номинации «Рассказы для детей» международного литературного конкурса «Мой аленький цветочек» (ж. «Параллели», № 5, 2018, Инсома-пресс). Люблю смешивать времена и поколения. Почитать можно здесь: <https://ficwriter.info/polzovateli/userprofile/Almond.html>

Я подарю тебе звезду...

– «Любимая, я поведу тебя к самому краю Вселенной, я подарю тебе эту звезду!»

Где-то я уже слышала эти слова. Неоднократно. Однако отжать клапан кармана, достать фонай и задействовать космопоиск прямо под пылающим вдохновением взглядом – было бы в крайней степени неприлично. Да и зачем? Парень мне нравился, а то, что он произносил чужие слова, нисколько не умаляло его обаяния и искренности. И голос, которым он повторял банальщину, был томным, низким, сексуальным – сердце замирало. К тому же мне вовсе не хотелось лезть в карман, а хотелось дотронуться до его щеки, до гладкой, с легким пушком, словно у ибистого фиглика, кожи – и не пальцами! Лизнуть язычком, провести влажным кончиком до губ и...

– «Любимая, я поведу тебя к самому краю Вселенной!» – отчаянно взывал мой красавец, сисясь привлечь внимание к тому, о чем он, собственно, вещал.

Мы стояли на аэрокрыше одной из высоток, крепко вцепившись в поручни.

Внизу разливалось море огней, смутно рисовались линии проводов; колышущимися темными пятнами то там, то тут проступали верхушки пальмовых парков. В небе вокруг вспыхивали точки лётотаксов и гасли, садясь на крыши.

Один из таких и примчал нас сюда после того, как мы провели междувременье в загородном доме красавчика, о чем я, например, нисколько не жалела. Он, судя по восхищенным речам, тоже.

Влюбилась я, что ли? О! Наступать снова и снова на одни и те же крюкабли я не собиралась. Но вот развлечься, тем более что его карманы набиты пойнтами – почему нет?

Я подцепила богатика – кстати, его зовут Морлисом – на вечеринке по случаю рождения моей подружки Лю. Как Морлис попал в компанию отвязных девиц-храпперов – понятия не имею, но подружка уже таяла, словно спелый пальмовый брюктель. И не она одна.

С детства обожаю конкуренцию. Мне нужно всегда быть во главе, пусть и зарабатываю на жизнь мытьем тарелок, и все же я – прирожденный лидер – не важно, о чем идет речь: о том, чтобы первой нанюхаться храппасиков или же уложить мужика в межвременку – ну, сами понимаете, зачем. Возможно, потому крюкабли то и дело возникали на моем пути.

На сей раз все было по-другому. Красавец и богач (два в одном!) Морлис понравился мне настолько, что я растерялась и, даже не попытавшись отодвинуть подругу, просто отошла в сторону, спокойно себе храпила в одиночку, не обращая ни на кого внимания. Оказалось, что это было лучшей тактикой.

Вскоре Морлис обратил внимание на одинокую девушку – то есть меня – и, бросив «брюктеля» разной спелости, подсел за мой столик. Начал он традиционно:

– Я вижу, вы скучаете? Не могу ли я украсть вашу скуку?

Если бы я тогда знала, что его слова не просто дань традициям, а истина! Разве бы качнула головой? Разве бы сделала жест приглашения?

– А вас зовут?.. – спросил он, наполняя бокалы храппером.

– Айша, – пискнула я, мы прикоснулись щеками, проглотили по бокальчику, и Морлис принялся «красть мою скуку».

Вот дальше я мало что помню. Помню, что бокалов с храппером было много. Помню, как вдруг оказались в шикарном доме, как кувыркались в межвременке, задействовав все чувства: я впитывала запах Морлиса, видела его сияющие глаза, слышала воркующий голос, ощущала гладкость кожи, и на вкус он был как холодногорячий, хорошо приготовленный шаурмак – брызжащий сочными пузырьками, взрывающимися на языке.

Как мы очутились на аэрокрыше – осталось где-то на задворках сознания.

И вот теперь Морлис говорил стихами, простирая руки к ночному небу:

«Светом нетленным будет она озарять нам путь в бесконечность!..»

Над нами во тьме мерцали далекие звезды. До меня не сразу дошло, что и на этот раз он говорит правду.

– Морлис, ты же не в самом деле... – начала я, но он деловито посмотрел на циферблат, висящий на шее:

– Я уже вызвал корабль, сейчас он прикрошится.

– Ты сумасшедший, – засмеялась я, все еще не веря, что у него действительно столько пайнтов в кармане, чтобы заказать личный корабль и отвезти меня к звездам.

– Надеюсь, ты не против?

Я? Против? О, нет, я не была против ни его сумасшествия, ни полета к звездам – такой шанс выпадает один за всю жизнь! Что-то теплое шевельнулось прямо под сердцем: я посмотрела на Морлиса другими глазами, – так сильно влюбился в меня, что ли, парень?

– Почему? – только и могла сказать я.

– Потому что мне нравится удивлять тебя, Айша, – ответил Морлис, ни слова не сказав о любви.

«Полет прошел нормально», – так обычно говорят в старинных романах.

Эту фразу, прозвучавшую трижды, мы еле расслышали.

Оказавшись на корабле, мы, не раздумывая, ткнули наугад в астрокарту, посмеялись над названием выпавшей звезды, вернее, планеты и включили автонавигатор. Сами же увалились в межвременку и принялись за более интересные дела, чем разглядывание на экранах космической тьмы. Даже не сразу осознали, что корабль уже перестал дрожать от посадки, а на экранах появилось голубое небо и заснеженная равнина планеты, на которой вообще редко кто из наших бывал.

Снег я знала только по вкусовым ощущениям, но разве это беда? Настроить нужную температуру тела – не проблема.

Поискав в фоне ориентиры, Морлис установил, что невдалеке расположен огромный город, но, взглянув друг на друга и облизнувшись, мы решили не торопиться, так что выбрались наружу, когда уже совсем стемнело.

Морлис активировал двухколесный мобиль и, быстренько подняв температуру тел до нужного градуса, мы понеслись навстречу приключениям...

Город нас ошеломил.

Он не был высотным, ну двадцати-, тридцатизэтажные здания, не более, но он не был пустым, в отличие от наших городов, жители которых «переселились» ближе к небу. Тут были проспекты! По ним сновали чудесные четырехколесные местные мобильчики, по обочинам шли, бежали, сталкивались инопланетяне, чем-то похожие на нас. По крайней мере, они имели голову, две руки и две ноги.

Мы быстренько включили лингвоштуцеры, чтобы не только видеть, но и понимать происходящее.

Все общались друг с другом просто так, не на спецвечеринках! Вот торговец, очевидно, зазывал зевак в освещенную огнями лавку. Рядом женская особь протягивала всем цветы и улыбалась. Какой-то «юноша» остановился и взял целую охапку. Лица у них были плоскими, белыми, с маленькими точками глаз, носов и ртов. По дороге двигался большой мобиль, заросший сверху густой зеленой флорой, в «машине» сидели особи мужского пола и горланили «песни».

Новые слова, новые картины, запахи сыпались на нас звездопадом.

Оставив мобиль возле лавки и запомнив место, мы с Морлисом бродили по городу и впитывали в себя необычное чувство всеобщей радости, дружелюбия и смеха, наслаждались незатейливыми огоньками-лампочками, развешанными над улицами, хрустящим снежком под ногами и ароматами – чужими, но очень приятными для наших носов.

– Пить хочу! – наконец закапризничала я, вспомнив о том, что это не я в Морлиса влюблена, а он в меня.

Морлис не подкачал:

– Пойдем! Вот там, кажется, можно и попить, и поесть.

– Вы бесподобны! Проходите! – такими словами нас встретил абориген у входа симпатичного здания. Если это традиционное приветствие – мне нравится.

Огромный зал освещался откуда-то с потолка, потоки света заливали столики, часть из которых была занята.

Еще один мужчина, смахивающий на пальмовую крысу огромными ушами и вытянутым носом с розовой пипкой на конце, подскочил к нам и провел к одному из столиков в самом конце зала.

Почему-то извинился за это:

– Я впечатлен, но вы занимаете слишком много места, – он хихикнул и скрылся.

Наконец-то я огляделась. Столики были расположены вокруг огромного зеленого пахучего растения. Только вот почему его лишили корней – оставалось загадкой. Неужели на этой планете – это не преступление? Судя по всему, так оно и есть. «Елка» стояла в центре, увешанная серебряными шарами, бантиками, то и дело по ней пробегали разноцветные искорки.

Вокруг веселились жители, звучал громкий смех, писклявый говорок местных девиц и мощный – мужчин.

– Айша, кажется, мы попали на галактический праздник, – заметил Морлис и взял меня за руку.

Точно! Кого тут только не было! Обычные люди перемешались с робопирами из скопления Переней, медведеобразные фандорцы сидели за соседним столиком, рядом – снегокенгурки, читаки, вольтерьянцы и, тут я вздрогнула, наши извечные враги – заеведы с длинными торчащими вверх ушами и виднеющимися из-под губ резцами – были тут, клянусь, век мне хаппера не видать! Веселились бы они так у нас – давно бы вспыхнула хорошая драчка, но на чужой планете они не решились задеть, только изредка поглядывали в нашу сторону и почему-то показывали вверх отстоящий палец левой руки.

– Шампанское? – промурлыкал над ухом вкрадчивый голос, и я вздрогнула. Официант подкрался незаметно. Поставив на столик бокалы с чем-то шипучим, он поклонился Морлису, спросил:

– Что изволит ваша дама?

Морлис растерялся. Ну как он мог знать, какие желания бродят сейчас в моей голове, однако официант протянул красную книжечку, и все встало на свои места: всего-то навсего требовалось выбрать пищу. Но почему только для меня? Нет уж, есть будем вместе.

Наугад Морлис ткнул в несколько наименований. Наверное, выбор показался официанту удачным – он расплылся в улыбке и улетучился.

В ожидании мы соприкоснулись щеками и проглотили бокалы.

Не скажу, что мне они понравились. Их льдинки были жесткими и не таяли, но напиток приятно пузырился на языке.

Вскоре наш стол был уставлен тарелками с разнообразной едой. Официант поискал глазами бокалы, понял, что мы их уже употребили, и принес новые, наполненные чем-то красным, как первая кровь.

Еда вызывала одновременно и смех, и отвращение: какой-то «лангуст», похожий на пальмового несъедобного паука, брюктели, мелкие и склизкие, накрошенные порциями для дохлых хапперов, растения, спрессованные в белые квадратики, перетертые в желе грибные споры – все это и я, и Морлис, конечно, попробовали, но по чуть-чуть – любопытно же все-таки.

Больше мы смотрели в зал, где разворачивались удивительные события. На небольшой площадке начались танцы, абсолютно непохожие на наши. Пары двигались под музыку, тесно прижавшись друг к другу. Что они делают? Не совокупляются же?!

– Пойдем тоже потанцуем, Айша? – Морлис протянул мне руку и подмигнул.

– А вдруг нас арестуют? – засомневалась я.

– Вряд ли, их же не арестовывают, – заметил красавчик.

Чувство вседозволенности пьянило и переполняло восторгом. Мы танцевали, практически сплетаясь всеми частями тел, публично! И это было потрясающее ощущение, настоящий экстаз! Мысли мои потекли в определенном направлении. Морлис, видимо, их угадал, прошептал прямо в ушко:

– Как я хочу оказаться в нашей межвременке!

Взявшись за руки, мы выскользнули в просторный холл и направились к выходу.

Сзади возник тот самый крысopodobный распорядитель, осторожно дотронулся до Морлиса.

– Вы уже уходите? Жалко! С вас десять тысяч... – проверещал он, вложив в интонацию одновременно и сожаление, и радость.

Мы переглянулись – и здесь, оказывается, нужно платить.

Морлис отжал клапан кармана, вытащил кучу пойнтов.

Распорядитель подпрыгнул на месте, голос его стал звонким и резким:

– Ты чего мне фантики суешь, урод? Деньги гони!

– Морлис, он нам угрожает? – забеспокоилась я.

– Нет, просит какие-то деньги, пойнты не устраивают.

– Мы сейчас принесем, – заверил Морлис беснующегося распорядителя.

– Э, нет! Куда?! – крысук вцепился в мою руку. – Ты иди, а твоя подружка здесь подождет.

– Подождешь? – спросил красавчик, я кивнула.

За Морлисом захлопнулась дверь, и только тут я подумала: где же он будет искать – деньги эти?

Крысомордый провел меня в комнату, уставленную металлическими ящиками, забитыми грязными тарелками, и ушел. Я услышала, как в дверной щели что-то скрежетнуло, значит, он меня закрыл.

Говорила же я Морлису, что нас арестуют! Возможно, деньги – это лишь предлог.

Делать было нечего, я понизила температуру тела и впала в транс забвения.

Спросонья звук открывающейся двери показался грохотом. В проеме стоял все тот же крыс-распорядитель.

– Ну что, красотка, мужик-то твой тю-тю! Пять часов прошло... Эх, зря я его отпустил.

«Тю-тю»? Что это значит? Что-то произошло с Морлисом? Почему его так долго нет? Он меня бросил? Одну... на этой совершенно неприспособленной для нормальной жизни планете... – Лингвоштуцер безжалостно перевел выражение «тю-тю», и я охнула. Убить?! Убили Морлиса? Слезы закапали из моих глаз.

Распорядитель уже не был таким энергичным, как раньше, усталость словно сочилась из него, даже голос был тихим и слабым.

– Придется тебе поработать, красotka, у нас посудомоечная машина сломалась, а новую привезут только завтра. Так что твоя помощь во как нужна, – он провел ребром ладони по горлу, – заодно и денежку отработаешь. Приступай, – и он снова вышел.

Что я должна делать? Мыть вот эти тарелки? Не проблема, конечно, просто обидно, что и дома, и тут меня преследует грязная посуда.

С трудом разобравшись, откуда льется вода, я взялась за дело.

Через некоторое время заглянул крысюк, одобрително кивнул:

– Вот и умница, соображаешь. Ты бы только костюм-то сняла, красotka? Новогодний маскарад уже закончился.

Костюм? Он ткань имеет в виду, что ли? С чего бы мне снимать ее – надежно прикрывающую мой тыл? Или он хочет... нет, нет, я отогнала от себя эту нелепую мысль.

Распорядитель потянулся с хрустом, взялся пальцами за нос и вдруг стянул свое лицо!

Я охнула, тарелка выпала из рук и полетела в ящик. Под крысиной мордой оказалось еще одно лицо, я такие видела ранее в городе, – плоское, бледное, с вдавленными глазками, маленьким носиком и тонкими губами, сверху – черная нашлапка из перьев. Сдается мне, что и другие инопланетяне лишь прикидывались чужаками... И заеведы?! Но зачем?!

– Ох, как я утомился, – снова потянулся он, широко открыл рот и показал зубы.

В этот момент в комнату влетел Морлис, молча протянул распорядителю какие-то бумажки, схватил меня за руку, и мы помчались к выходу.

Из вредности, наверное, я молчала до самого мобиля и до корабля тоже. Лишь оказавшись в родной обстановке, спросила с обидой:

– И чего ты так долго?

Морлис почесал гребень, вздохнул:

– Айша, деньги, оказывается, не так-то просто было добыть.

– И что же ты сделал? Тоже тарелки мыл? – съехидничала я.

– Нет... – он помолчал, – я продал свой циферблат, а еще шкатулку для пойнтов и линг-воштуцер.

Мое сердце забилося. Вот тут-то я и почувствовала, что влюблена в красавчика не на шутку.

– Ради... меня? – неужели это происходит со мной, и сейчас он скажет...

Он сказал:

– Айша, я понял, что хочу быть твоим и только твоим, ты возьмешь меня? – Морлис распахнул глаза и уставился на мой четвертый сосок, его рожки возбужденно дрожали.

Ну еще бы не взять! Заиметь в постоянное пользование мужчину, набитого пойнтами, да еще такого красавчика! Вот подружка Лю обзавидуется!

Я подошла к Морлису и, обняв, погладила между рожками, вздохнула, теперь можно и не укладываться в межвременку, удерживая яйцеклад в статисе.

– Только обещай мне...

– Что? – вскинулся Морлис. – Я готов!

– Обещай мне, что в нашем гнезде я никогда не буду мыть посуду, а ты никогда больше не будешь дарить мне звезды!

– Любимая, я не поведу тебя к самому краю Вселенной, нафиг эти звезды! Светом нетленным будут они озарять нам путь в бесконечность... Издалека!..

И мы покинули не очень-то гостеприимную Землю.

Елена Радковская

Живу в Екатеринбурге. Преподаю в университете. К.э.н., доцент. Пишу недавно, поэтому работ пока немного. Надеюсь, будет больше. Кое-что здесь: <https://ficwriter.info/polzovateli/userprofile/SBF.html>

Разноцветный мир

Рождественских праздников с самым большим нетерпением ждали, конечно, эмикшеры-первогранники. И не потому, что устали от занятий и предвкушали каникулярное безделье. К Рождеству, отдавая дань символизму, приурочивался первый «выход в свет» юных эмикшеров, прошедших первую из шести граней обучающего кубоида.

Взволнованные первогранники, похожие на маленькие почти прозрачные кирпичики, со всех сторон покрытые короткими волосками-антеннками, с двумя воздушными щелями по бокам, звуковой щелью впереди и двумя блестящими глазами над ней, покидали последний урок. Даже, скорее, не урок, а напутствие. Или финальный инструктаж.

Тай, самый маленький и непоседливый из них, первым выскочил из кубоида и, нетерпеливо подпрыгивая, поджидал своего единственного друга Синса. Ну, по крайней мере, Таю было приятно думать, что Синс – его друг. Почти все остальные эмикшеры относилось к Таю, скажем прямо, прохладно. Он действительно отличался от большинства. На фоне степенных и серьёзных, если не сказать угрюмых, эмикшеров Тай выглядел слишком импульсивным и, наверное, легкомысленным, постоянно улыбался и старался развеселить окружающих – просто от радости бытия. «Добрый до наивности», вздыхала мама, глядя на Тая. Окружающие не понимали таких порывов и считали, что он несколько «не от мира сего».

Синс, наконец, неторопливо выполз из кубоида в окружении таких же обстоятельных одногранников. Тай ухмыльнулся и устремился вперёд – скорее домой, обрадовать близких! Синс, прощаясь с товарищами, встопорщил на спине волоски, пока ещё больше похожие на пух, и двинулся вслед за Таем – они жили по соседству.

Попадавшиеся навстречу взрослые эмикшеры, которых в преддверии Рождества в посёлке было гораздо больше обычного – все хотели посетить праздник «первого выхода», неодобрительно косились на то и дело порывающегося взлететь Тая. Получалось у него плохо – как все эмикшеры, ещё не испытавшие опыта реального полёта, Тай мог лишь на несколько сантиметров взмывать над поверхностью. Но переполнявшая его нервная энергия требовала выхода, и после нескольких торопливых шагов он вновь напрягал все свои волоски, посылая тело в прыжок.

Многие ехидно усмехались, глядя на неуклюжее порхание Тая, но он не обижался, только с завистью вздыхал при виде их свободного, лёгкого, пусть и неторопливого, полёта. Ничего, скоро – буквально завтра! – он тоже выйдет за купол, и огромный человеческий мир подарит ему и радость полёта, и смысл существования, и осознание собственной необходимости. И ещё ощущение голода – которого не знали те, кто ни разу не выходил за купол посёлка – и возможность его удовлетворить. И, кстати, цвет. Взрослые эмикшеры, в отличие от маленьких, не были совсем прозрачными – взаимодействие с человеческим миром оставляло на их просвечивающих кирпичеобразных телах лёгкий цветной след. И семьи эмикшеров сбивались, в основном, по цветовому признаку: бледно-зелёные, блёкло-индиговые, тускло-карминовые. Семья Тая отсвечивала фиолетовым. Интересно, каким цветом нальётся он сам после первого выхода?

Тай возбуждённо вздохнул. Мир людей – прародитель эмикшеров – удивительный, влекущий, загадочный, ждал новых волонтёров. Ждал его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.